

Сегодня 31 августа 2004 года я, Островская беру интервью у Юрия Евгеньевича Яблокова, проживающего в Московской области в городе Ивантеевка. Это первая кассета.

Далее: Островская – О., Яблоков - Я

О. Я Вас прошу, расскажите, пожалуйста, из какой семьи Ваши родители? Вот мама, папа, кто еще из родителей, бабушки, дедушки. Знаете ли Вы кого-нибудь, помните ли кого-нибудь, застали ли вы в живых..

Я. Да. Я помню бабушек своих очень хорошо, потому что я жил в доме, где жила мать моей матери, Александра Ивановна Керкинская.

О. А маму как звали?

Я. Маму звали Нина Ивановна Керкинская. Но если начинать еще дальше, то моим прадедушкой по линии матери был пономарь Рязанской церкви, потому что, урожденная она была Залобетская, моя бабушка по матери, а ее отцом был пономарь, по-моему, Никольской церкви в Рязани. Но я его сам не видел, никогда я его не видел. Со стороны отца я деда своего тоже не видел, а с бабушкой жил вместе до 44-го года, когда она умерла в Рязани, вместе мы жили.

О. Обе семьи – и та, и другая жили в Рязани.

Я. Обеих бабушек я лично знал и помню и сейчас их. Дедов я не видел живых ни одного, они умерли до моего рождения. Об их биографиях и образе жизни я достаточно хорошо знаю и по документам, и по рассказам родственников.

О. А скажите, мамина семья была религиозной?

Я. Несмотря на то, что корни уходят в духовенство, вот первый известный предок по линии Керкинских был пономарь, хотя в семейном предании он считался священником. Но пока документально это подтвердить не удалось. Но что он был из духовного звания, это точно, поскольку его сын стал

священником. А в те времена, а это времена, а это 1807-й год, примерно, когда он стал священником этой деревни Керкино, откуда и пошла фамилия Керкинских, свидетельствует о том, что отец его был духовного звания. Потому что исторически тут сложилось так, что в конце предшествующего века и в начале 19-го века начиналось становление духовенства, получившего образование в духовных школах и семинариях. До этого священнослужители могли избираться на сходе крестьян. Я говорю о более низких уровнях клира – пономарях, дьячках

О. Но, давайте мы вернемся ближе все-таки к нам. Вот каким-то образом вот такое религиозное происхождение на бабушку, на мамину маму, имело отражение?

Я. Думаю, нет, и вот почему. Несмотря на то, что у моей бабушки было 8 детей, и все мужчины проходили практически через семинарию Рязанскую. Никто из них не стал духовным служителем, ни один человек, все пошли по гражданской линии.

О. И каких же профессии?

Я. Ну, один стал инженером, второй - преподавателем математики.

Разговор прерван телефонным звонком. После звонка.

О. Так, мы говорили, да..

Я. Так, были они религиозными? В принципе – нет. Дело в том, что вот эта моя бабушка Александра Ивановна Керкинская, она, конечно, ходила в церковь всю свою жизнь, делала прекрасные куличи, пасхи на Пасху. Я в то время учился в нулевом и первом классе, писал лозунги: «Долой Пасху и кулич!» А, приходя домой, уплетал прекрасную пасху и куличи, сделанные по высшему кулинарному уровню. Но в конце жизни, в 1937-м году, насколько я помню, она с удовольствием читала вечером такую книгу, как «Краткий курс история партии» и говорила, что ей интересно. В церковь она не ходила, не молилась, но иконы в нашем доме висели. Я еще помню, когда еще более младшем возрасте, перед ними горели лампы. И не говоря о том, что нас с сестрой крестили в этом же доме. Были знакомые священники в Рязани, которые нас крестили.

О. А обряды дома какие-нибудь соблюдались?

Я. Никаких абсолютно.

О. И постов не было?

Я. Нет.

О. Как интересно!

Я. Вот моя бабушка никогда не соблюдала никаких религиозных обрядов при мне, а помню я себя с возраста 5-ти лет примерно. То есть, это уровень 1931-го года. Она умерла в 1938 году, я могу четко сказать, что она никаких обрядов не соблюдала.

О. А она дружна была со своими детьми? Или это была какая-то семья тесная?

Я. Очень! Дом в Рязани бабушкин он был центром, все дети, естественно, поразъехались, и он был центром, куда собирались дети каждый год, по мере возможности. Летом иногда собирались даже все дети, там на неделю. Это были для нас, детей, праздники большие, потому что приезжали из Москвы, из Ленинграда.

Кроме того, надо отметить, что вот в семье Керкинских, у моего деда был брат. Керкинского моего деда звали Иван Васильевич, а тот был Павел Васильевич, который был

священником в Дягилеве. Дягилево – это деревня рядом с Рязанью, сейчас она вошла в черту города. Интересно и то, что до него священником в этой церкви был священником мой прадед. Отец Гаврила Яблоков. И мой дед сменил моего прадеда в одной и той же церкви.

О. Только по другой линии.

Я. Так вот, у Павла Васильевича было 12 человек детей, и все они общались друг с другом. Дети этих братьев. Собирались они в Дягилеве в основном, потому что там был дом большой этого священника, там собиралось, кстати, в эту компанию входил и мой отец.

О. Это оттуда знакомство с мамой?

Я. Да. Дело в том, что Павел Васильевич Керкинский был женат на Яблоковой.

О. А, так Вы дважды пересеклись.

Яблоков Ю.Е. Да, да, да, потом уже отец с матерью пересеклись. Отсюда вот на всех фотографиях со студенческого возраста вот Керкинские и Яблоковы, моя мама на одних фотографиях с отцом очень часто встречались.

О. Это при том, что они еще пока даже и муж с женой.

Яблоков Ю.Е. Абсолютно нет. Отец ухаживал за другой сестрой Керкинских – за Лидией Ивановной. В тот период.

О. А мама была самая маленькая или как?

Я. Нет. Моложе ее была еще одна сестра. Ну, вот эта связь Керкинских она проходила через всю жизнь, хотя Керкинские по линии Павла Васильевича – они в 20-х, в начале 20-х годов они выехали в Сибирь, они поселились в Барнауле, и в Рязани здесь никого не осталось. Причем, эта барнаульская ветка периода репрессий пострадала очень сильно. Там было 5 братьев- врачей, все они были расстреляны в начале 1938-го года. Ну, это отдельная история.

О. А потомки какие-нибудь остались:

Я. Да, мои двоюродные, они считаются моими троюродными братьями и сестрами, мы с ними поддерживаем связь и до сего времени и с их детьми поддерживаем связь. В общем, такие вот родственные связи сохранились с ними.

О. А скажите, пожалуйста, мама какого года рождения?

Я. Мама 1894-го.

О. И какое у нее образование?

Я. Она окончила Рязанскую гимназию, думаю, что сначала она училась в Епархиальном училище, думаю, низшем отделении, и потом только перешла в гимназию. Она должна

была в 14-м году уехать на Высшие женские курсы в Москву, потому что все ее братья и сестры все получили высшее образование. Причем, там принцип был такой: поскольку дед работал бухгалтером Земской Управы и получал 40 рублей в месяц. При семи живых детях для того, чтобы оплатить образование, помогали уже выросшие дети младшим. Они занимались репетиторством в Рязани, в Москве, зарабатывали деньги и помогали младшим братьям и сестрам. Мать из-за болезни отца вынуждена была вернуться в Рязань, и тут началась война. Я не знаю подробностей, был ли это тогда какой-то призыв или она по собственному желанию пошла в госпиталь, но она работала в Рязанском госпитале. Там, очевидно, было полувоенное положение, как и у нас, и она переехала с госпиталем в Двинск, город, сейчас Даугавпилс, по-моему, он называется

Ос. Да, да, да, сейчас он в Латвии.

Я. кстати, в том госпитале, в котором она работала в Двинске, в 44-м году лежал я в этом же здании. Я это узнал из документов Военно-Исторического архива, когда работал по Латышским стрелкам, Красные Латышские стрелки для школы в Латвии. Вот как оказалось, что я в одном доме был с ней, это по документам.

О. В одном здании. Это удивительно!

Яблоков Ю.Е. Вот случайность такая была. .

О. Значит, в Двинске она была во время войны?

Я. Да, в 15-м году. Во время Первой мировой войны.

О. В 15-м году она туда поехала и какое-то время там работала.

Я. Да, да, да, но точной даты я на память не могу сказать.

О. Ну, это неважно. Но она стационарно в госпитале работала, она с фронтом не отходила.

Я. Да, но это фотографии вот сохранились ее, сестры милосердия в окружении военных врачей в погонах и так далее, и так далее.

По линии отца, отец, конечно, не был религиозным.

О. А какая семья?

Я. Вот, прадед был священником в Дягилеве, я говорил. Его сын был сначала, окончив семинарию, пошел ли он по линии духовных служителей, трудно сказать, но он заболел болезнью горло и не мог петь. Поэтому стал преподавателем, сначала, по-моему, в женском епархиальном училище, потом в семинарии, потом он стал чиновником городского уровня, потом чиновником, связанным с Департаментом финансов. И по этой линии он сделал карьеру, стал податным инспектором Пскова, как раз, когда отец должен был учиться в гимназии, и отец поступил в Псковскую гимназию, или перешел в

Псковскую гимназию. Потом, значит, дед мой, отец отца, стал чиновником Департамента финансов в Москве и дослужился до Статского советника, получил там несколько орденов, в том числе дающих право на дворянский титул, Владимира, там, III степени. Но на дворянство он не подавал, это точно известно. После революции он вернулся в Рязань, у него пропали все деньги в каком-то банке Москвы в-м году, полностью пропали, то есть, он в письме сыну писал, что он нищий, что он ничего ему не может оставить, в чем очень извиняется. И он работал в РКИ – Рабоче-Крестьянской инспекции финансистом в 1923-го года в Рязани, где и умер.

О. А жена его, Ваша бабушка, которую Вы помните.

Я. Бабушка его, она была воспитательницей в женском епархиальном училище Рязани. Никогда она больше после этого не работала.

О. Как зовут ее?

Я. Павла Петровна.

Островская И.С. Павла?! Какое прелестное имя! А детей много было?

Я. Нет, один отец был.

О. Один отец?

Я Она ходила в церковь иногда, икон у нее больших в углу, как у моей бабушки по матери, не было, но Бога она любила упоминать при каждом удобном и неудобном случае. Ну, Бог тебя накажет или слава Богу – это были ее повседневные слова. Но чтобы она ходила часто в церковь, я бы не сказал, она ходила, может быть, только по большим праздникам.

О. И с кем же она жила?

Я. А в последние годы она вообще не ходила в церковь. Умерла она, с нами жила, но у них с моей мамой, нельзя сказать, чтобы были теплы, что мать по уровню, моя, ниже уровня ее сына. Ну, это, в общем-то, домыслы, я это в разговорах сам не слышал, но мне об этом говорила сестра, я это сам проявление видеть не мог, кроме того, только то, что она всегда питалась отдельно от нашей семьи. Вот в доме в Рязани она жила в отдельной такой пристройке к дому, в своей комнате и встречались мы за столом за общим только в праздники.

О. А вы вот дети маленькие вы бегали и туда, и сюда? Или как?

Я. Бегали и туда, и сюда, в общем.

О. Ну, а Вас-то она боготворила или что?

Я. Ну, как, у нас с ней как-то очень теплых отношений не было.

О. Та другая бабушка была роднее?

Я. Та была как-то более близкой к нам.

О. А почему? Это характер был такой? Ну, не ласковый. Или просто исторически сложилось?

Я. Ну, она и по характеру была, конечно, совершенно иной, чем бабушка по матери. Та была очень хлебосольной, любящей компании, любила страшно детей, все дети страшно любили её.. Она была центром вот этой семейного большого клана Керкинских. Недаром там собирались не только ее кровные потомки, но вот и потомки Керкинских Павла Васильевича, они приезжали из Сибири, они всегда, в Рязань приезжали.

О. Центр был такой.

Я. Да, и мы страшно любили, дети, страшно любили эти приезды, с некоторыми из них особо теплые у меня отношения были. Мы выезжали вместе даже на дачу с моими троюродными сестрами, хотя по двойному родству они получались по православному исчислению нам двоюродными братья. Так вот сложилось.

О. Интересно, да.

Я. Ну, это вот к вопросу, насколько были религиозные. Мы с самого начала были абсолютно далеки от религии, то есть, полными атеистами были с сестрой с детства.

О. А когда родители познакомились и где?

Я. Ну, само собой в Дягилеве!

О. Они знакомы с детства, да? А когда вот понятно было, что они друг другу идут навстречу?

Я. Ну, по-видимому, это было после 21-го года.

О. То есть, бабушка уже, то есть, мама уже вернулась с Даугавпилса и уже живет в Рязани.

Я. Да, да, да.

О. И чем она занималась, когда вернулась?

Я. Какое-то время она работала в медицинских учреждениях.

О. Как медсестра.

Я. Да. Подробно она, в общем-то, она ухаживала, так сказать, за матерью в этот период, потому что хозяйство вести той было уже трудновато. И чем она занималась, я как-то даже никогда не спрашивал у нее. Именно в этот период, думаю, что до конца война она, очевидно, работала в госпитале, то есть, до 18-го года. А вот между 18-м и 21-м, я даже затрудняюсь ответить.

О. А в 21-м они поженились?

Я. В 21-м они поженились, в 23-м году родилась уже моя сестра Ирина, и она занималась только домом.

О. очень хорошо. А какой был дом, Вы его помните?

Я. Ну, мы жили в разных домах тогда в Рязани. Отец сначала он в Москве преподавал в гимназии, потом в каком-то училище, потом из-за болезни отца, по-моему, он вернулся в Рязань и работал в сельскохозяйственном техникуме, был заместителем директора, Сажневского, то ли агро-, то ли зоотехника.

О. Что такое Сажневский? Это район?

Я. Сажневский - это местечко под Рязанью Сажнево. Но потом он стал работать в Рязанском сельскохозяйственном техникуме, ему там дали служебную квартиру.

О. А у отца как называлось его образование? Он по диплому как называется? Он кем был? Он специалист чего?

Я. Он окончил физико-математическое отделение Московского Государственного университета и получил право преподавать географию. Это записано в дипломе.

О. Но он же не географию преподавал, а ботанику.

Я. Ну, он специализировался по диплому, по дипломному проекту, который он там писал, по ботанике. То есть, он получил в общем-то специалиста по ботанике с правом преподавания. Дело в том, что в те времена, ведь ботаника была частью географии.

О. ну, естествознание, наверное, так? Да?

Я. Естествознание – это более широкое, география – чуть ниже ступенью и ботаника тогда попадала в географию. Кстати, когда я учился в 50-х годах на географическом факультете, у нас было отделение ботаники, на географическом факультете, ботаника выпускалась на Московский геофак.

О. А биологического тогда не было?

Я. На биологическом, очевидно, я даже никогда не интересовался, были ли чистые ботаники? По-моему, не было на биофаке. По-моему, ботаников выпускал только географический факультет.

О. Вы, наверное, занимались биологией и почвоведением, да?

Я. ну, там свои была тоже подразделения, почвоведение было и на нашем факультете тоже, отделение почвоведения было у нас.

О. Ну, ладно, Бог с ним, это какая-то премудрость, нам там не разобраться.

Но улыбка у Вас совершенно замечательная, просто таю. Ну, в итоге закончил Московский университет, и каким образом он попал в Рязань?

Я. Первоначально из Москвы он переехал, как я уже говорил, по-моему, из-за болезни отца. Нужен был уход за отцом, и он перевелся в Рязань. И вот тут совпадает как раз с тем, что он женился на моей будущей маме и остался уже в Рязани. После того, как он был преподавателем в техникуме, он получил место доцента в Рязанском педагогическом институте, который расположился в бывшем женском епархиальном училище, в котором была воспитательницей вот моя бабушка по отцу и училась моя мама. Я-то об этом узнал только потом, для меня он считался вечным институтом, тем более, что наш дом был смежным с забором этого института. И папа ходил в этот институт через специально прорезанную калитку в заборе.

О. А какой дом-то был, помните? Расскажите.

Я. Ну, как же! Значит, история этого дома была такова. Я нашел купчую на дом, который купила мать моей бабушки по матери, кстати, она тоже была Александра Ивановна по имени. Купила она у какого-то чиновника.

Ос. Это был дом Керкинских?

Я. Этот дом, о чем там пристав в какой-то части удостоверял, там был одноэтажный дом и флигель. Я флигеля этого не видел, но это бабушка моя, вернее, не бабушка, прабабушка она, она построила рядом с одноэтажным домом двухэтажный флигель, в котором я, собственно, и жил какое-то время, в котором арестовали отца как раз.

О. Вот это Ваш первый самый Ваш родной дом.

Я. Да, это было родное гнездо, потому что туда мы переселились, когда мне было 5 лет, примерно в 31-м году, в это дом. До этого мы жили в служебном квартире при техникуме на улице Каляева, знаменитого террориста, бомбиста. Этот дом я еще немножко помню, в котором мы жили. Потом мы какое-то время снимали комнату на улице, по-моему, Селезневской в Рязани. Но там мы прожили несколько месяцев всего и переселились вот к бабушке в дом. Причем, сначала мы жили в этом двухэтажном доме и после ареста отца переселились в одноэтажный. А двухэтажный, во-первых, он всегда был занят жильцами, сдавались комнаты второго этажа.

О. Просто для прокорма?

Я. Когда я родился, там уже жили жильцы, они там так и жили все время, пока мы там были. Потом первый этаж освободился, и вот мы туда вселились своей семьей Яблоковых. После его ареста, отца, сдавали и нижнюю часть этого двухэтажного дома, а мы переселились в одноэтажный.

Ос. А Вы 25-го года рождения?

Я. 26-го.

О. А какого числа?

Я. 7 октября.

О. Скажите, пожалуйста, а Вы помните, как отца арестовали? Как отца арестовывали, Вы помните? Это Вам сколько лет? Вы уже в школе учились?

Я. Так, мне было тогда, конечно, я учился в школе, мне было 12 лет и момент ареста я не помню, я спал в это время. Я в это время был, по-моему, в третьем классе.

О. А что за школа?

Я. Где я учился? Это была обычная, как тогда было, неполная школа, где учили до 4-х классов. Она имела собственное деревянное такое здание, очень интересно спроектирована была школа, с залом внутри. Там мы учились с сестрой до 4-го класса. Потом она получила наименование неполной средней школы, получила рядом каменное новое здание, и там я учился уже в с 5-го по 7-й класс.

О. Вы помните кого-нибудь из школы?

Я. Учеников?

О. Да, одноклассников, учителей.

Я. Помню, естественно, у меня там было два основных друга, один из них умер не так давно, мы поддерживали связь всю жизнь. Второй, мы и сейчас, он живет в Рязани, я у него останавливаюсь, когда приезжаю в Рязань.

О. Кем он стал?

Я. Он стал технарем, был инженером по электронным приборам, работал в институте такого же направления в Рязани, на оборонке.

О. Всю жизнь поддерживали отношения?

Я. Да, мы и сейчас поддерживаем.

О. А учительницу первую помните? Как зовут?

Я. Мария Николаевна, конечно, помню. Дело в том, что моя мама, как и многие мамы других учеников, не работающие, они входили в состав актива родителей при школе, тогда было принято, что родители помогали учителям в проведении экскурсий, в проведении вечеров. Вот моя мама активно участвовала в работе школы начальной, до 4-го класса. Поэтому преподавательница моей сестры она оставалась, как сказать, другом семьи до самой своей смерти, где-то до 60-х годов.

О. А Ваша?

Я. С моей учительницей мы меньше поддерживали связь, но года три после окончания начальной школы связь была, она приходила к нам в гости, мы к ней приходили, когда она там, лежала где-нибудь в больнице, мы посещали ее. То есть, связь такая поддерживалась.

Но Елизавета Васильевна Конобеева, вот так звали учительницу сестры, она, по-моему, была Заслуженной учительницей РСФСР, даже. Она была, конечно, уникальной преподавательнице по своим качествам.

О. Откуда Вы ее знаете, Вы же у нее не учились?

Я. Я некоторое время во время болезни моей учительницы, она заменяла ее и несколько, может быть, месяца два я учился параллельно, вводили еще одну смену тогда, во вторую смену я учился у нее, так что я ее очень хорошо знаю. У нас она была дома, поэтому я ее знал очень хорошо.

О. Ну, это Вы ее знали с домашней стороны, а так что? Вот даже ученик мог оценить?

Я. Она и дома оставалась учительницей.

О. А в чем это выражалось?

Я. В ее авторитете. Это трудно передать, но она оставалась учителем везде. Была ли она в гостях, то есть, это не банальным, так сказать, нет, но она как бы стояла ступенькой выше обычных людей, она была учителем. Вот такое понятие могло быть только тогда. Кстати, уровень преподавателей вот в этой школе, в которой мы учились с сестрой, был очень высок. Интересно, что многие преподаватели учились даже у моего отца еще в пединституте. То есть, что значит был уровень высок? Я просто могу сопоставлять это дело с уровнем, когда учились мои дети. То есть, вот авторитет наших учителей был значительно выше и отдача тоже была большей, потому что тогда. О проводили в школе обязательные учебные часы, но и обычно сидели до вечера, занимались с отстающими, причем, все это делалось абсолютно бесплатно.

О. А директор был при школе?

Я. Жил нет. Там жили технический персонал, уборщицы или нянечки, жили при школе. Поэтому там охраны такой не было, они как бы так вот охраняли здание. Кстати школа была, насколько я помню, до самого позднего вечера, то есть, там вели занятия, во-первых, с отстающими учениками. Во-вторых, работали кружки. Я вот лично ходил на кружок, изокружок, рисование года три. И с нами занимались преподаватели рисования и даже приглашенные из художественного училища.

О. А еще какие были кружки?

Я. На память я могу только припомнить, по-моему, было рукоделие, авиамодельный кружок обязательно существовал в каждой школе тогда. Авиация была самым престижным делом. Я помню, что у нас аэроклуб в Рязани, был еще аэродром военных самолетов, и пользовались огромной популярностью. Вот летчики, попадался там в автобусе, все вставали и уступали ему место, все.

О. Потому что в форме?

Я. Ну, если военный, у него были петлицы и самолетики, я знаю.

О. И женщины уступали место летчикам?

Я. Вставали прямо с места, чтобы уступить, такой был престиж. Но к нам прилетали такие летчики, Гризодубова, Осипенко, они тренироваться на нашем аэродроме прилетали. И, кстати, Осипенко и разбилась под Рязанью, перелетая на Рязанский аэродром.

О. А скажите, а чего читали Вы? Помните, какие книжки были у Вас, детские? Любимые?

Я. Подбор книг был, во-первых, классику нам еще читали, с нами в дом рязанском жил брат матери Леонид Иванович Керкинский, окончивший физмат университета. Но он никогда не работал по специальности, жизнь у него по-своему трагична. Дело в том, что во время Первой мировой войны он, по-моему, с 4-го или даже с 5-го курса он ушел добровольцем на фронт и ему дали какие-то отличия, типа прапорщика, по-моему, давали, одну маленькую звездочку на погонах. И каким-то образом он попал в Колчаковскую Армию, где заболел тифом, попал в барак смертников, куда свозили трупы, зимой это было. Он выполз каким-то образом на дорогу, его подобрал крестьянин на санях и привез в Барнаул, хотя это было довольно далеко. Вот где жил клан Керкинских и где было много врачей. Но врачи Керкинские его выходили, но вот эта пятно пребывания в Колчаковской Армии, клеймо, оно оставалось на всю жизнь, он не мог нигде работать официально, потому что он должен был тогда где-то в анкете указать, где он находился. А где Вы были до семнадцатого года? И он жил поэтому в Рязани, его все знали, потому что там интеллигенция знала друг друга, это не настолько большой был город, они все учились в одно время в гимназиях, в семинарии, все врачи его знали, преподаватели его знали. Он был блестящий шахматист, прекрасно знал литературу, у нас очень интересные гости были вот из этих его однокашников. Были постоянные партнеры по шахматам. Но он нигде, в общем-то, не работал. Добывал он средства к существованию продажей оставшихся от его отца некоторых вещей старинных.

О. Ужасно!

Я. Помогали сестры ему, он зарабатывал, в основном, на работах, где не требовалось оформляться в кадрах. Например, продавал с лотка газеты, журналы, то есть, где не требовалось проходить через кадры.

О. А жил с Вами?

Я. И кроме того, у него был туберкулез, оставшийся вот с того времени, когда он лежал зимой при минус 40 в тифозном бараке. Он получил там туберкулез. И из-за этого не мог уехать на работы, где требовались нагрузки.

О. Куда-нибудь, там на север?

Я. Выключите, я про жен его расскажу.

О. Почему? Не будем ничего выключать, про жен тоже очень интересно. Их же нет в живых?

Я. Я боюсь, что перевру.

О. Ничего, Вы переврете, мы подправим. Это потом все равно я Вам принесу показать.

Я. Когда он был студентом, он тоже, как и его братья, работал репетитором, в том числе, в семье одного крупного одного помещика – по-моему, Барсеньева. Если я не ошибаюсь, это были родственники Рахманинова. И он влюбился в жену этого помещика, дочерям которого он преподавал математику. Причем, она была страшно религиозная, набожная. Что он ей запудрил мозги, я понимаю, он блестяще знал стихи, литературу, наизусть знал сотни произведений, он прекрасно умел сочинять, не знаю, писал ли он стихи, документально это не сохранилось, но в анналах устной истории семьи он сохранился, как Леонид-сочинитель. Короче говоря, эта Мария, Романовна, что ли, я уточню потом, значит, она в него влюбилась, последовал роман. Тут революция, помещичьи усадьбы разгромили крестьяне и сожгли. Погибли ее две дочери, она посчитала это Божьей карой за измену мужу, попала в психиатрическую больницу в Москве. Короче говоря, в общем, они стали мужем и женой, но в Рязань он ее так и не привез, она умерла раньше в Москве. После этого он и переехал в Рязань. У него была гражданская жена, вторая, еврейка, Раиса Александровна Лишина, по-моему, она то ли была первой женой Александрова, вот это знаменитого кинорежиссера, по-моему, она первой женой была.

О. До Любви Орловой?

Я. Да. Эта Раиса Александровна работала в Детгизе, я вот помню, был у нее на работе в Детгизе.

О. Красивая?

Я. Очень красивая. Причем, она рассказывала, что она принимала участие в революционном движении, нося за пазухой прокламации. Дальше она работала все время корректоршей в издательстве, ни в каких партиях она не состояла, в советских учреждениях не работала. Я очень любил, когда она приезжала в Рязань, она жила по несколько...

Конец записи стороны А кассеты № 1

Сторона В кассеты № 1

...жила в Москве моя сестра, когда училась в университете, не было общежития во время войны. Вот такая связь была все время.

О. Значит, были хорошие отношения, нормальные условия. А почему Вы начали о нем говорить тогда, когда я спросила: что Вы читали? Вы сказали, что вам читали классику.

Я. Потому что первые книги нам читал дядя Леня, нам читал Пушкина, Лермонтова, Гоголя, когда мы еще сами не читали в возрасте, хотя я начал читать в 5 лет.

О. А дома была библиотека?

Я. Ну, был большой книжный шкаф, там была марксовские издания, полное Пушкина, Лермонтова, Гоголя, у нас были зеленые книжки, с такими уголками, красивейшие... У сестры еще есть что-то такое.. Вот он нам читал такие вещи, которые мы сами читать бы не стали никогда. Он нам читал драматические произведения Пушкина: «Моцарт и Сальери», он читал Шекспировские, вот двухтомник Шекспира, я помню, роскошный, марксовский тоже. Вот мы бы сами читать его никогда не стали, он нам читал по вечерам. Зимние вечера, он нам вслух читал, читал замечательно, поэтому мы страшно любили слушать.

О. То есть, Вы сейчас помните до сих пор с его интонациями, с его голоса?

Я. ну, конечно, он чтец был прирожденный.

О. А скажите, он читал вот вам двоим, или родители тоже при этом сидели и слушали?

Я. Ну, может, сидели, но они заняты были. Но когда делать было нечего вечером, особенно когда не было света, горела свеча, конечно, все у печки сидели и слушали.

О. И в доме при этом существует история ВКП(б), которую читает бабушка и ей интересно.

Я. Тогда эта книга, когда она вышла, она была бестселлером, это я вам говорю, то есть, она

О. А чего! написано она легко.

Я. Понятно, все понятно. Что еще вытекает, почему рабочий класс первый, все понятно, все ясно. И я даже избавился от этого наваждения, простите, когда начал учиться в университете.

О. Почему? А что, семья была, скажем так, революционно ориентированная? Отец?

Я. Отец был сугубо беспартийным человеком, то есть, когда в 1917-м голосовали в Учредительное собрание, сохранилось документальное свидетельство, письмо моего дяди.

«Твой отец голосовал за 5-й список большевиков, исходя из соображений революционной демократии, как наиболее радикальной части. Твой дед, статский советник, голосовал за 5-й список по принципу: чем хуже, тем лучше». Тем скорее развалится эта, вот эта вся. Для него вот эта смена власти была катастрофой. Понимаете? Он был чиновником, впереди огромная пенсия и накопления в Банке. Что еще нужно человеку для жизни! Для него революционное потрясение для него было катастрофой. Поэтому он голосовал за 5-й список: чем хуже, тем лучше, тем скорее вернется монархия.

О. Это какой дядя-то пишет?

Я. Алексей Павлович Керкинский, врач.

Островская И.С. Потом Барнаульский?

Я. Да, он был в Барнауле, который был. У меня, кстати, сохранились его письма страшно интересные, которые я собирал во вторую очередь после отцовых, собрать, потому что там кладезь информации был. Но Советская власть, он был настроен весьма скептически.

О. Давайте поэтапно, сначала один этап, потом другой. Будем друг другу помогать. Вот видите, мы шли друг другу навстречу, и, наконец, пришли. Ну, что ж, давайте мы сделаем паузу

После паузы.

О. Теперь давайте все-таки вернемся к тому моменту, когда отца арестовали. Чего Вы помните, как это было?

Я. Я, в общем-то, проспал момент ареста. Это было ночью, вечером, накануне, мне кажется, собирались какие-то гости, это было с 7 на 8 января 1938 года. Когда я встал, двери папиной комнаты были опечатаны сургучными печатями. Я, как обычно, пошел в школу. Какие ощущения я испытал, сейчас, конечно, трудно сказать, но я поделился в школе с ближними, с близкими друзьями. И никто этому не удивился особенно, потому что в это время уже случаев ареста было в Рязани очень много, в том числе, и среди сотрудников педагогического института.

О. А в классе были?

Я. Были. Но это были в основном девочки, я как раз с ними мало общался, но у меня просто не осталось в памяти это, но то, что у меня арестовали отца, знали все в тот же день. Надо сказать, никто из преподавателей никогда не третировали меня по этому поводу, никогда не высказывали особого расположения, то есть, относились всегда так, насколько я помню, вот до 7-го класса, как будто ничего не произошло.

О. А среди учеников?

Я. Среди учеников ни одного случая такого, что мне сказали: вот ты сын, там врага народа – ни одного не было никогда. Но, по-моему, тогда настроение у большинства было, как произошло, как заболел и попал в госпиталь. Вот примерно такое отношение.

О. Как несчастье?

Я. Да, вот случилось это несчастье, он попал в больницу. Ну что об этом говорить, ну, лежит, лечится.

О. А соседи?

Я. Соседей у нас, в общем-то, можно разделить на две части: наших друзей, которые жили в соседнем доме, напротив в доме, и живших внутри дома. Но внутри дома к нам вселили полотера из НКВД, который убирал, ну, приехал из деревни в город, устроился в НКВД полотером, и в порядке уплотнения его вселили в наш дом.

О. С семьей?

Я. Да. Ну, ничего, вот он, конечно, считался для нас нежелательным человеком, он никогда с нами не общался. У него был свой вход в дом, сзади дома, и мы с ним практически не общались, хотя с его сыном, который был моложе меня, мы общались вполне. Но он считался таким сопливым мальчишкой тогда, поэтому он относился вполне лояльно, ко мне, например. Так что, вот интересная вещь. Вот Ирина хотя бы помнит, как ее принимали в комсомол и не приняли.

О. А у Вас как с комсомолом дело было?

Я. Вы знаете, по-моему, я вступал в комсомол в Армии, и там это происходило настолько формально и автоматически, у меня никаких воспоминаний об этом не осталось, абсолютно, ноль.

О. ну, хорошо, тогда давайте посмотрим с другой точки зрения. А Вы-то как отнеслись к моменту отцовского ареста? Мама, Ваша семья, а главное Вы. Отец вдруг оказался врагом народа. Как это?

Я. Дело в том, что я даже в том возрасте ни минуты не сомневался, что он ни в каких организациях антисоветских не участвовал, это, конечно, ошибка. Это у меня сомнения не было никогда вообще, ни у моих знакомых, ни у моих друзей об этом речь никогда возникала, даже не обсуждался вопрос.

О. А мама?

Я. ну, мама знала каждый шаг отца. Маме, конечно, пришлось хуже. Все-таки у отца благодаря его положению декана, по-моему, и он должен был защищать в январе диссертацию, и присвоить ему должны были кандидатскую степень по работам. У него был круг общения, по-моему, среди интеллигенции широкий. И прекращение общения с ней

многих людей на нее повлияло очень сильно. То есть, она переживала. Хотя она не говорила об этом прямо. Правда, оставался круг такой очень близких людей, во-первых, родственники все, второе – была семья художника Курыленко, с сыном которого мы одноклассники и дружили в то время. Вот его мать приходила все время к моей матери, они гуляли вместе. Это я помню. Приходила даже в это время к нам домой учительница начальной школы, которая у сестры была. Хотя, по-моему, Ирина в это время уже перешла в другую школу, на другую ступень. Вот она приходила, это я помню. Это я уже потом услышал от матери, что вот многие отказались с ней общаться из тех, кто раньше лез в друзья, ей, конечно, далось нелегко.

О. А как же Вам мама-то объясняла?

Я. Как объясняла, никак не объясняла, мы писали письма, ждали от него писем, посылали посылки.

О. А он в Рязани в тюрьме несколько не был?

Я. Был до, по-моему, апреля месяца, до конца апреля.

О. У Вас свиданий не было?

Я. Нет, мы не знали, по-моему, где он.

О. Да? А кто-то пытался наводить справки, искать, узнавать?

Я. Мама, конечно, писала там какие-то жалобы, но я подробности сейчас вот не помню, потому что меня просто не посвящали в эти во все дела, но когда папа узнал, что его отправляют эшелонами, мы пошли на станцию его провожать. То есть, мы получили предупреждение, когда их будут сажать. Вот у меня в памяти тут сохранилось, что будто бы это я видел все сам. У меня в памяти сохранилось. Но то, что сохранилось, это то, что я видел издали вереницу людей с мешками сзади за спиной, не с рюкзаками настоящими, а с мешками, завязанными веревками. Да. Что охранники были с винтовками, их было немного несколько человек, человека 4. Дело в том, что вокзал в Рязани он не имел тогда ограждения, то есть, вот стояло здание вокзала, и прямо пути начинались. Так вот это все происходило перед путями. Подошли теплушки, куда их и сажали. В теплушки эти. Ну, а потом уже в мае месяце поступили первые письма от него, и он писал достаточно часто вплоть до того, что через день поступали открытки.

О. Это потому, что он там был через некоторое время не на общих работах, да?

Я. Они были в командировке, так называемой, как я понял, то есть, это от основного лагеря отправляли бригаду людей на определенную работу. Например, в данном случае, на сплоточную машину в устье Пинеги. Их обязанность была вылавливать бревна и делать плоты, которые буксир отвозил в Архангельск. То есть, там не было лагеря, как такового,

они в первых письмах, из перовых писем папы было видно, что они сначала строили дом, потом были поставлены палатки на 150 человек. Вот они жили в этих палатках до осени, работая на этой сплочной машине. По-видимому, здесь можно было через жителей передавать письма в почтовые отделения. Там не было ограничений.

О. Письма там без знаков цензуры, там не было следов цензора? То есть, Вы этого не знаете, если бы они были, Вы бы это знали.

Я. Знаков никогда не ставилось, знаки ставились только военной цензуры.

О. Ну, ладно. Ставил цензор, вычеркивал и ставил штамп.

Я. Нет, что вычеркивали – это само собой, но вот штамп «проверено», по-моему, это во время войны.

О. Нет, нет. И там тоже уже работали цензоры, и все это было. Нет, если Вы действительно предполагаете, что он через кого-то передавал, то это вполне правдоподобно, да еще, конечно, так часто.

Я. Да, но тогда, по-моему, вообще не было ограничения, то есть, с правом переписки не давало ограничения, только потом уже пошли ограничения – по одному письму в месяц. Это уже потом он писал.

О. Нет, с самого начала. Не в этом дело. Скажите, пожалуйста, и как же Вы относились, вот у вас в семье? Вот пришло папино письмо и что – прямо все собирались и читали все? Или как?

Я. Ну, читали просто, каждый сам читал, ну, может быть, мама некоторые письма читала, когда ей трудно было разобрать нам. Читали по несколько раз, читали до следующего письма по несколько раз.

Ос. А мама пошла работать?

Я. Мама, да.

О. И куда же?

Я. Она пошла, по-моему, в детскую консультацию медсестрой.

О. А жизнь сразу резко изменилась с материальной стороны?

Я. Я этого не могу сказать, потому что у мамы было две незамужних сестры, одна работала в том же сельскохозяйственном техникуме, где работал мой отец, вторая – в плодовоовощном питомнике под Краснодаром. Она агроном была. И та, и другая помогали матери.

О. Как только с отцом случилось несчастье, да?

Я. Да. Кроме того, какую-то помощь оказывал брат из Москвы и брат из Ленинграда. То есть, я разницы в материальном положении практически не заметил.

О. А дядя Леонид к этому времени еще жив?

Я. Он жил там в это время.

О. Вместе с вами, да?

Я. Ну, он как жил, так и жил, у него отдельная была комната, в которую нам входить, в общем-то, не разрешалось из-за его болезни.

О. Да, он же заразный.

Я. Ну, мы нередко вместе пили чай, за одним столом, это гостиная была одна в доме. То есть, я не могу сказать, что я в этом году, в 38-и, в 39-м я ощутил какую-то большую разницу в материальном положении.

О. А мама очень переживала?

Я. Дело в том, что мы ведь до этого тоже пережили период, скажем, вот 30-й, 31-й, 32-й годы, которые я еще помню кое-как. Я же помню, что я не знал, что такое белый хлеб, я его не видел. Он продавался только в Торгсине за золото. То есть, когда мне соседский мальчик рассказывал, что вот в Кремле дают хлеб белый, как бумага. Я ему говорил: «Врешь! Такого не бывает!» И потом там ведь была своя специфика - жизнь в провинциальном городке, где не разорваны были прямые связи с деревней, то есть, как моей бабушке и прабабушке носили из деревни Поляны молоко, так и нам в этот период из тех же семей носили, там, за 6 километров от Рязани носили нам молоко. В таких ранцах, творог приносили на дом. Хлеб покупали в магазинах, были карточки сначала, потом карточки отменили, все равно было очень трудно купить. Но вот этот разговор на крыльце с соседом, когда я говорил, что этого не может быть, что существует белый хлеб, как бумага белый. Это я помню хорошо.

О. А в каком году Вы закончили школу?

Я. Ну, тут получилось так, что я закончил 7-й класс в 41-м году, у сестры был как раз выпускной вечер с 21-е на 22-е июня. А я 20-го числа выехал в Москву, потому что брат мамы Николай Иванович Керкинский пригласил меня на дачу к себе под Ленинград. То есть, они снимали там в местечке Шапки, это от Тосно на Запад, ветка была на Шапки. Пригласил меня на лето, это была своего рода помощь матери взять меня на лето туда. Таким образом, я 22-го июня выехал в Ленинград, несмотря на всячески отговоры со стороны другого брата – Вениамина Ивановича Керкинского, который жил в Москве и у которого я останавливался. Я очень хорошо помню, как он мне сначала грозил, что он меня не пустит, но я тогда был, окончил 7-й класс, сам себе голова и он понял, что таким образом, силовым методом он уже со мной не справится. Я заявил, что я поеду в любом случае. Я считал, что война будет несколько дней, и мы разобьем врага на его территории,

как и все тогда думали так. Дядя Веня, хотя он не был военным и никогда в Армии не был, он был инженером по контактной сети в троллейбусах в Москве. Я помню, как он рисовал на дверях Московского вокзала, мне говорит: Вот Москва, вот Ленинград. И он мне говорил, что немцы отрежут, прежде всего, Ленинград от Москвы. И рисовал вот линию на Мгу, которую немцы, действительно, прошли.

О. Хорошо. 22-го июня он рисовал?

Я. 22-го июня. Ну, разумный человек, он предполагал, что немцы отрежут Ленинград от Москвы, что они и сделали, в общем-то. А дальше, я пренебрег, поехал, приехал в Ленинград, очень романтично все, ночью тревоги, прожектора, летают немецкие самолеты-разведчики, ничего не бомбят, сообщают каждый день, что сбивают самолеты, но ни одного обломка нигде не показывают. Я через два, что ли, дня уехал вот эту Шапки, а ехать надо по направлению к Москве, сначала до Тосно, а потом в сторону по ветке, финская деревня среди леса, до нее добираться надо на подводе 8 километров. Подвода меня встречала. В деревне живут финны почему-то, только. Обстановка очень интересная: двери не запираются домов. Для меня это было так сказать не совсем обычно. Ну, ходили в лес за грибами, за ягодами. У моей двоюродной сестры годовалая дочка на руках. Отца его сразу же забрали в Армию, сразу же в первый день, как и она, геолог был. Я там наслаждался природой, смотрел с озера, как самолеты из облака пикируют вниз, приходил, рассказывал в Правлении, мне говорили: Это летчики учатся летать. Потом в один прекрасный день, дату которого я пытаюсь установить, это было где-то в начале или в конце июля или в начале августа, утром в 5 часов удары по раме. Финн, председатель колхоза говорит: Вера Николаевна, вот я подогнал подводу, чтобы вы через полчаса выехали в Шапки, немцы завтра будут здесь. Перед этим через нашу деревню, два дня до этого, прошло стадо коров примерно голов с тысячу. Коровы страшно кричали, у них были полные вымя, потому что их никто не доил. Но и это нас, у нас не было никакой информации: ни телефона, ни радио, ни газет, никто к нам не приезжал, потому что мужчин забрали в Армию, остальные все были на работе. То есть, мы жили, ничего не зная о войне, абсолютно. И мы приехали на этой подводе вот на станцию Шапки, там стоял паровоз, и один классный вагон к нему прицеплен. Мы вот погрузили эту девочку маленькую, там, большинство вещей мы бросили, мы взяли только самые необходимые вещи. Мы залезли в вагон, через 2 часа вагон отправился, это был последний, так сказать, так называемый, поезд, который ушел из Шапок. Через сколько дней немцы были здесь, я не знаю точно, я не мог установить, хотя потратил ни один день на выяснение этого обстоятельства, но по нашим документам

выяснить это не удалось, это надо ехать в Архив в Подольск и работать месяцами там. Потому что в наших сообщениях об историях войны установить по картам это невозможно.

Но когда сестра спросила председателя колхоза: А Вы куда? Что будете делать? Он говорит: Мы, как и в Гражданскую войну, уйдем в болота. Там были рядом довольно обширные болота и там есть острова, проходы к которым знали только местные, и они в Гражданскую войну там отсиживались эти финны. То есть, они там давно живут. Но мы узнали, что немцы расстреляли эту всю деревню и сожгли ее, расстреляли всех жителей. Подозревая, что они партизаны, раз они ушли в болота. Это я узнал уже в 45-м году только.

О. Так, Вы доехали в Ленинград и что в Ленинграде?

Я. Приехали в Ленинград, в Ленинграде в это время шла кампания по вывозу детей из Ленинграда. Я колебался, значит, ехать или не ехать. Вот мой дядя Коля, Николай Иванович Керкинский он тоже колебался: отправлять меня, не отправлять. А там было в принудительном порядке: расклеены приказы о вывозе детей, куда собираться, надо к Смольному было прийти с вещами. И в это время поступили сообщения, что первые эшелоны разбомбили и дети погибли. Дальше я, так сказать, из каких-то отдельных статей узнал, какой там творился беспорядок. То есть, первые эшелоны были направлены на юго-запад, прямо в места, уже занятые немцами, то есть, эшелоны приходили уже за линию фронта, прямой линии фронта не было, но попадали уже в зону немецких войск, первые эшелоны, детей отправили. Вот такой там был порядок.

О. А Вам 15 лет.

Я. Мне еще не исполнилось 15, мне было 14 лет. Мне в октябре 15 исполнилось. И что тут делать? Помню рассказы про бабий бунт на Смольной площади, которые пришли протестовать, матери против отправки детей. И после этой отправки детей уже ничего не было слышно. Дальше я, поступили известия, что дорога отрезана. Ну, дорога была отрезана еще в начале августа на Москву прямая, что отрезана и дорога на Вологду, что уже уехать невозможно. Я поступил в Ленинградскую школу, хотя занятия там не начались в сентябре. Помню, как горели Бадаевские склады, как дымом заволокло весь Ленинград. В этот момент начали уже бомбить город.

О. А где Вы живете-то? У дяди?

Я. Мы жили на Литейном проспекте, в средней части Литейного проспекта, там, где был театр.

О. И этот маленький грудной ребеночек, которому был годик, тоже с вами?

Я. Нет, у сестры была своя квартира.

О. Неважно, она тоже в Ленинграде.

Я. Да, на Петроградской стороне, где она с мужем была. Дальше я поступил в школу и стал ходить в дружину по борьбе с бомбами зажигательными. Занятия 1 сентября так и не начались в школе, и я вот помню, смотрел с крыши на эти пожары, на бомбежки, которые были почти каждую ночь. Сначала мы ходили в бомбоубежище, потом перестали ходить. Потому что, как показала практика, погибали в бомбоубежище больше, чем оставшиеся в домах. Если люди не оставались в разрушенной части дома, не погибали, то они погибали в подвалах, потому что заваливало входы в подвал, и откопать их не было никакой возможности. Тогда таких средств техники не было, да и людей не было. Ну, и потом разбомбило нашу школу, бомба попала прямо в здание школы на Маховой, где был театр Юного зрителя, в этом же дворе была наша школа.

Днем?

Я. Нет, ночью. Как раз было не мое дежурство. Потом последовала такая вещь: с английского крейсера, который пришел в Ленинград, сняли зенитные орудия, подарок. И в первую же ночь, это было 5, по-моему, ноября 1941 года, сбили два немецких самолета из этого орудия. Это был ажиотаж в городе, хотя каждый день сообщали о десятке сбитых самолетов, никто не показал кусочка даже. А тут выставили вот эти два сбитых самолета, один на Марсовом Поле, второй еще на какой-то площади. Я ходил смотреть, и другие ходили смотреть на эти остатки сбитых немецких самолетов. Вот я запомнил очень хорошо. Но вот в отместку за это, они прошли серию ударов 6 ноября, вот на эту линию, где стояла зенитка, они сбросили серию бомб, в том числе, одна бомба попала в наш дом на Литейном. Правда, была О-образной формы и попала бомба в здание над театром, в ту часть здания, которая была над театром, это боковая линия буквы О. А мы жили в торцевой. Но

О. Но стекла-то повывлетали?

Я. Да. Я спасся вообще интересно. Я перед взрывом бомбы вышел, мы сидели, пили чай, я сидел спиной к окну, которое выходило во двор, на торцевой части. И от меня как бы с правой стороны в здание попала бомба. И я вышел в туалет.

О. А если бы остались на месте?

Яб. если бы остался на месте, я бы сейчас не разговаривал, потому что через это место прошел осколок, который пробил насквозь самовар, включая дымогарную трубу, и врезался, в стенке полка была, в книги. А я сидел прямо перед самоваром, то есть, он бы мне пришелся в центр позвоночника этот осколок. А один осколок отрезал руку в следующей комнате соседу. Он совсем ее перебил на две части руку.

О. Там была коммунальная квартира?

Я. Да, коммунальная квартира.

О. А с кем же Вы жили? Дядя Николай, а еще кто?

Я. Там был мой дядя, его жена Елена Дмитриевна, была моя двоюродная сестра Нина Николаевна.

О. Она Вас моложе, старше?

Я. Она старше меня на 6 лет. Она жива и сейчас, она в Ленинграде живет. Она прожила, кстати, всю блокаду в Ленинграде, не уезжала никуда. И мать ее тоже, по-моему, не эвакуировались.

О. То есть, их трое и вы четвертый.

Я Нет, была еще вторая сестра Вера Николаевна, но она жила вот на Пушкинской, на Петроградской стороне.

О. Ну, вот здесь, в этой квартире живет их трое и Вы четвертый. Вы не чувствуете, что Вы как-то в тягость?

Я. Тогда этот вопрос не стоял, у нас такие были родственные отношения, что как-то это само собой разумеется.

О. А как Вы называли своего дядю?

Я. Дядя Коля.

О. А ее?

Я. Тетя Лена.

О. На ты, на вы?

Я. На ты.

О. Но тетя, не просто Лена, дядю тоже?

Я. Кроме того, были, значит, сестра вот Елены Дмитриевны, ее тетка, то есть, там еще было еще трое родственников со стороны жены моего дяди.

О. Все пожилые?

Я. Они жили в отдельной комнате, но там квартира была, они занимали 3 комнаты, и коммунальная кухня была большая. Кроме того, там жили еще двое соседей, один художник, которому руку как раз перебило, и еще одна семья. И длинный был коридор, то есть, когда-то это был дом какого-то учебного заведения, и это были комнаты - классы.

О. Они огромные были?

Я. Большие были, высокие, высоченные потолки с лепниной, такие красивые были комнаты. Вот когда бомба попала, дом стал качаться. Почва болотистая в Ленинграде. Амплитуда была довольно приличная, то есть, с трудом можно было устоять на ногах. Ну, и начался потом пожар, там погибли люди, когда у стенки здания стояли две машины грузовые санитарной дружины, которые выезжали во время бомбежек и становились на

точки во дворах. Так вот, верхние этажи дома, в которые упала бомба, обрушились на эту машину.

О. Завалило?

Я Завалило, там погибли.

О. А после этого в доме этом невозможно было оставаться жить? Верхние этажи обрушились, дом качается.

Я. Нет, обрушились верхние этажи на одной стороне дома, да и то наполовину, то есть, сам театр не обрушился, который в центре был этого здания. Сам театр остался, там штукатурка обвалилась, но. Но в нашем доме выбило все двери и все окна, с рамами включая.

О. Боже мой, кто же во время вставит новые окна?

Я. Это было на 7 ноября. Забили досками с помощью работника ЖЭКа, забили окна досками напроц, получились темные они, непроницаемые.

О. ну, заодно затемнение, очень удобно.

Я. Ну, холодно было, конечно, спали в кроватях, накрывшись всеми видами одежд.

О. Ну, и, при этом вы ходите в школу?

Я. Нет, в школу как разбомбили, она прекратила свое существование. Она просто перестала существовать, в нее попала бомба. Занятия так и не начинались. Но справки мне там дали, что я учащийся этой школы. У меня сохранилась эта справка.

О. дальше, начинается зима 41-го года, уже блокада.

Я Вот тут начинается очень плохо с продуктами, потому что если еще в сентябре как-то какие-то остатки сохранялись, ездили за капустными листьями и зелеными, вот в Парголово по трамваю еще собирать мерзлые листья. Кстати, собранные эти листья, засоленные в глиняном таком большом кувшине, разбил осколок от бомбы, он стоял на кухне у окна, и осколок тоже расколотил эту керамическую такую, но она была по емкости с ведро, а может быть, дальше больше немножко. Он эту капусту разбил, к сожалению.

Съели тогда все, что можно, то есть, съели кошек, у кого какие были, собак съели. И голод уже давал о себе знать. Вот я как сейчас помню, поскольку окна были забиты, а света не было электрического, то ложились рано, делать нечего все равно, ложились рано. И сразу же разговоры, причем, был уговор – не говорить о еде. Но как бы мы ни уговаривались, все равно все рассказы сводились, в конце концов, к еде. Дядя начинал рассказывать, как они студентами жили, потом переходил, как они возвращались там, заходили, покупали ситный и кусок чайной колбасы. Потом вспоминали, что об этом говорить нельзя, переходили на другую тему, потом оказывалось, что дядя Коля

рассказывает про гречишники. Это из гречневой муки сделанные пирамидки, которые на рынке разрезались (вот сейчас помню, как он рассказывал) ножом пополам, лили какое-то льняное масло, закрывали и давали есть. Значит, все опять сводилось к еде, это было ужасно. Ну, а потом стало совсем плохо уже, когда в ноябре уменьшили норму, по-моему, до 200 грамм, потом в декабре – до 125 грамм хлеба, это было уже ужасно.

О. А все иждивенцы: никто не работает, дядя Коля не работает?

Я. А тогда не работали учебные заведения, ничего. Последняя работала тетя Лена, она работала бухгалтером, но и это закрылось учреждение. По существу, в декабре уже не работал никто. Работали только службы, которые выдавали карточки, которые обеспечивали хлебопечение, только работали организации. То есть, город уже был мертвый, это зрелище, конечно, было страшное, и я никогда не забуду, тем более, Литейный. Взрывом бомб затопило водой, и она замерзла. Слой льда доходил до подножек, до входа в трамвай. Трамваи замерзшие стояли, а лед был по уровень пола вагона. Вот можете себе представить, сколько воды там замерзло.

О. Но ведь при этом Вы ехали в Ленинград летом, отдыхать, у Вас зимнего ничего нет.

Я. Я не помню, какая-то одежда там наверное находилась.

О. Ботинки?

Я. Дядины, наверное, были, я не помню это дело.

О. Ну, и дальше что?

Я. Ну, а дальше уже начались перемещения, потому что жить при морозах в этом доме без окон было уже невозможно, мы переселились к Вере туда, на Петроградскую сторону.

О. На Пушкарскую?

Я. Да, на Пушкарскую.

О. Со всеми тетками, со всеми сестрами?

Я. Да. Потом, тут интересно, вот муж Веры Николаевны он попал в часть, которая под Ленинградом воевала, и представляете? Он приезжал прямо с линии, из окопов прямо приезжал к нам на Пушкарскую, там было недалеко. На попутных машинах. Приносил какие-то куски хлеба, что-то такое, что было очень существенно.

О. А ребенок у нее годовалый?

Я. Вот ребенок, как-то выкармливала сестра.

О. ну, и дальше что было?

Я. Ну, дальше умер дядя, у него язва желудка была.

О. Дядя Коля?

Я Да, дядя Коля. Он умер. Помню, как мы его хоронили на Серафимовском кладбище. Я, кстати, там был не так давно.

О. Они дали Вам эту памятную книжечку? Они выдают теперь умерших в блокаду. Они Вам не дали? Мартиролог.

Я. Я не знаю, наверное, есть, но мы же знаем, это кладбище, могила там.

О. А у него отдельная могила?

Я. Я прекрасно помню, как мы шли. Шли: Вера Николаевна, Елена Дмитриевна и я. Мы везли его на санках, завернутого в какие-то простыни. Я помню, был снег, поземка, и мы шли по полю, где не было видно ни одного дома вблизи, только вдалеке была группа деревьев. Это я помню. Еще начался артобстрел, и снаряды летели через нашу голову и рвались там где-то в Ленинграде. Свистели. Слышно был свист, шелест такой, как они летели. Вот на самом кладбище я чего-то ничего не помню, момент вот этот, как отпало. Как хоронили дядю Колю.. Но я знаю, как было, потому что мы об этом с сестрой не раз говорили, там глубина могилы была 20 сантиметров. На это ушел весь паек хлебный, чтобы выкопали какие-то 15-20 сантиметров. Остальных там хоронили, я помню, были ямы глубокие, вроде делали взрывом. Почва очень мерзлая была, и туда, которых на машинах, на грузовиках, собирали на улицах, из квартир, привозили их, складывали в эти братские могилы. Сейчас следов этих братских могил на Серафимовском кладбище я не нашел, хотя там есть площади как бы пустующие. Я не знаю, может быть, они связаны с этим, что там братские могилы....

Конец стороны В кассеты № 1

Кассета № 2 – сторона А

...договориться со своей подругой, у которой был муж в Союзе художников, да, тут, прорвали когда блокаду и появилась Ледовая дорога, пошли первые эшелоны...

О. То есть, Вы все полтора года блокадных все в Ленинграде?

Я. Нет, не полтора года, я был только до конца февраля, до 5 марта 1942 года.

О. Хорошая цифра, хорошее число.

Я. И вот меня пристроили в число эвакуировали с Домом художников, писали документы Жени вот этой, и я, значит, выехал оттуда где-то вот в первых числах марта.

О. А как годовалый ребенок, я все время за него беспокоюсь.

Я. А он остался там, они уехали позже, в 42-м году, ближе к лету.

О. Ну, она осталась жива?

Я. Она осталась жива и она, в общем, окончила вуз в Ленинграде потом и умерла совсем недавно, в этом году.

О. Ну, то есть, осталась жива.

Я. 31 июля она умерла.

О. 31 июля, ровно месяц сегодня?

Я. Да. Ну, короче говоря, я остался жив по двум причинам. Во-первых, меня удержали, по-моему, в Коневом Гриве, это нас привезли на поезде и пересаживали на машины, по Ладоге ехать. Там выдавали сразу буханку хлеба на человека, черного. И мне показали воронку от авиабомбы, большую воронку, глубина, наверное, метров 8, и на снегу лежали мальчики в черных шинелях, это какое-то ПТУ вывозили, мертвые, по склонам. Меня вот привели, показали и сказали: «Они ели вот этот хлеб. Есть ничего нельзя, вот тебе дадут сейчас тарелку супа, ты ее съешь, но хлеб ты не кусай ни грамма». Представляете, какое искушение было, держать в руках буханку хлеба и не откусывать ничего!? Вот, это было первое, что, всех, у кого такого предупреждения не было, те погибали там от заворота кишок. Потом помню Дорогу Жизни я прекрасно, как мы ехали, я был потрясен тем, что шофера голыми руками на морозе, я чувствовал себя сосулькой в какой-то оболочке, замерзал там в этом автобусе типа ПАЗика маленького. И я был потрясен, как шофер голыми руками копается в моторе, когда там чего-то случалось. Помню гладкий лед, дороги, как зеркало на фоне торосов, да, на солнце мы ехали. Пролетали какие-то самолеты, но нас не бомбили, нашу колонну. И нас довезли на станцию, посадили в эшелон, и мы несколько дней ехали до Вологды, несколько дней. Представляете, сейчас несколько часов. У нас в вагоне умерло человек, наверное, 12, в нашей теплушке, до Вологды. Их просто складывали, выносили из теплушки, складывали вдоль линии и ехали дальше. А в Вологде был жил Алексей Павлович Керкинский по линии Павла Васильевича Керкинского, один-единственный оставшийся из братьев после арестов 38-го года. Он был тогда подполковник медицинской службы, работал в госпитале в Вологде. И я решил пойти его навестить, зная, что в Вологде стоять будем несколько часов. Я пошел, нашел дом его. И когда он увидел меня вшивого, замерзшего, худого, он сказал: «Я тебя не отпущу. Ты не доедешь до Рязани, оставайся». Я сказал: «Ни в какую!» А! Он меня, значит, сжег мою одежду, дал какую-то другую, помыли в ванне, а он жил в одноэтажном доме деревянном, коммунальная квартира на 8 семей это был дом. С одной кухней, с одной ванной. Вот. Он меня переделал, а я собрался и пошел на эшелон. Он меня не пускал всячески. Потом пошел меня провожать, все время уговаривая остаться. И когда я прошел полпути, я понял, что я

самостоятельно до эшелона не дойду, у меня уже сил нет идти. Я согласился вернуться. И я пролежал там 2 недели, у меня сил не было вставать. Он меня откормил, и потом я уехал, доехал до Рязани и потом лежал еще с месяц, наверное, не вставая, настолько я был дистрофиком.

О. А что с мамой было все это время и с сестрой?

Я. Мама и сестра, сестра в этот момент она поступала, она работала сначала в сельхозтехникуме лаборанткой, это был 42-й год, да? Да, она работала в сельхозтехнике лаборанткой, и она должна была поступать в Москве в МГУ, по-моему, она пыталась поступать. Ну, когда я приехал, я застал Леонида Ивановича Керкинского, который так и жил в Рязани, его жена там жена, Раиса Александровна, вот эта бывшая жена этого. Да, и тут приехала через месяц моя двоюродная сестра Вера с маленькой Татьяной.

О. Подождите, а мама-то, мама?! Мама там в Рязани? Нормально, она здорова?

Я. Мама жила в Рязани. Да.

О. А Вы что-нибудь друг про друга все это время знали? Письма в Ленинград шли?

Я. шли. В декабре, в январе, я не помню, по-моему, писем уже не было.

О. Но она знала, что Вы живой?

Я. В начале декабря были письма, в ноябре были, в октябре были, то есть, когда вот уже было кольцо замкнуто, еще самолетами какие-то письма переправляли.

О. Но она знала, что Вы живой, что Вы, я там не знаю, в Вологде? Она это знала?

Я. Я думаю, что какое-то время не знала, какое-то время.

О. Потом, когда в Вологде, наверное уже Вы написали, дядя написал, что вы у него, что все хорошо.

Я. Ну, естественно, да.

О. Что Вы у него и все хорошо. Ну, и как Вы застали маму?

Я. Я думаю, что он даже звонил оттуда, а не писал.

О. Нет, ну, тогда можно было заказать на почте разговор с вызовом на телефонную станцию телеграфом.

О. да, да, да, помню такую услугу...

Я. Во всяком случае, мама знала, что я должен приехать.

О. И как Вы ее нашли, она изменилась за это время? Они тяжело пережили войну в Рязани?

Я. Ну, это я вот как-то, мне на этот вопрос ответить трудно, потому что по сравнению с тем, что было в Ленинграде, это считалось, так сказать, хорошими курортными условиями и этот вопрос как-то не стоял. Кроме того, у нас был огородик при этом рязанском доме,

который был каким-то подспорьем. Потом Лидия Ивановна работала в сельхозтехникуме, там тоже были участки огородов, как у всяких организаций, которые расположены в пригородах города. Я вот летом уже работал тоже в этом сельхозтехникуме, я уже работал в гараже при техникуме.

О. Это уже 42-й год и Вам 15 лет.

Я. 42-й, да, я работал там учеником слесаря, руководил этим делом преподаватель механизации техникума, очень хороший механик и такой интеллигент, в общем, не рабочий.

О. А от папы в это время письма идут? Во время войны. Идут регулярно?

Я. Да. Но уже редко, не так, как в 38-м году.

О. А! Обычно – раз в месяц. Ну, хорошо. И дальше чего? Вы ученик слесаря?.

Я. Я получил там профессию тракториста, получил права от техникума водить трактор, ХТЗ был такой колесный. И осенью я уже работал на пахоте в ближайшей деревне, зарабатывая трудовни. А с октября я начал заниматься в 8-м классе, я год пропустил в Ленинграде, в Рязанской школе, как я закончил 8-й класс, я совершенно не помню, это выпало из памяти. Помню занятия военным делом только на дворе, совершенно не помню занятий в классе, не помню преподавателей. Это какой-то провал у меня в памяти.

О. Ну, значит, так тому было суждено. Ну, хорошо. Закончил 8 классов, и дальше что?

Я. А дальше я работал в 43-м году уже с весны, где-то с начала апреля в Вышгородской МТС трактористом, уже профессионально. Ну, работал в районе на тракторе, с утра до вечера, 12 часов смена. Потом в деревню на гулянки, а потом на трактор за руль опять. Вот так. Потом в школу я вернулся где-то в середине или в конце сентября, совершенно не помню, что я там делал месяц в 9-м классе или полмесяца, совершенно не помню. Стерто из памяти. Потом стали призывать мой год, в начале ноября, в Армию.

О. А отец в это время что?

Я. ну, мы получали раз в месяц примерно письмо.

О. ну, его когда не стало, отца?

Я. В 44-м году он умер то ли в марте, как сообщают официально, то ли в апреле. Возможно, 14 марта, как сообщили.

О. скажите, вы получили какое-нибудь извещение?

Я. Извещение мы получили намного позже. Это уже, намного, намного позже, через год, по-моему. До этого мы получили, я-то в это время был в Армии уже, но получили письмо от Алексея Павловича Керкинского из Вологды, которому написала, найдя адрес его в Вологде, одна медицинская сестра. Она ему писала, что вот папа умер и куда отослать

вещи? Ну, а вещи составляли вот такой вот блокнотик с маленькими фотографиями, он даже по-моему здесь сейчас есть у меня, и сообщала о смерти.

О. Ну, как же она нашла, я не понимаю, адрес? Просто у отца где-то

Я. Лежал конверт с обратным адресом Алексея Павловича. И он написал маме в Рязань.

О. И она действительно прислала эти его вещи?

Я. Она переслала, по-моему, Алексею Павловичу, а потом он попал к нам. Как он переслал, я, конечно, не знаю, я в Армии был в то время.

О. А когда в Армию Вас призывали, Вас не спрашивали, кто у Вас родители?

Я. дело в том, что спрашивали много раз на протяжении жизни в Армии, но часто очень никто не читал эти записи.

О. А Вы прямо правду писали?

Я Всегда писал, всегда.

О. Что отец арестован и отбывает наказание?

Яблоков Ю.Е. Да.

О. И Вы считаете, что никто просто и не смотрел, это была пустая формальность.

Я. В большинстве случаев... Нет, это смотрели, я это установил потом, но дело-то в том, что при моих рангах, никому особого интереса не было. Потому что когда посылали под пули, то не спрашивали, кем он был, это во времена и Гражданской войны, и во времена Великой Отечественной. Это никому не было интересно. Когда речь шла о назначении на должность какой-нибудь хлебную, это имело значение.

О. Но Вас это не коснулось?

Я. Коснулось.

О. Как же?

Я. Но коснулось чисто морально, в общем. Дело в том, что когда после ранения я попал на Зимланский полуостров, из запасного полка, узнав ночью в лесу, что у меня аж 8 классов образования, мне предложили сразу офицерскую должность – комсорга батальона. Я, только составляя список комсомольцев, впервые узнал, что двумя-тремя классами было половина людей, комсомольцев, которых я записывал. Я-то считал, как нам сообщали по радио, что все имеют среднее образование, а уж неполное среднее обязательно все. Но когда я стал писать, оказалось, что с 2-мя, 3-мя, 4-мя, 5-ю классами больше половины людей. Вот такая была хива тогда уже. Между правдой и, так сказать, рекламой, пропагандой.

О. А Вы все-таки стали комсоргом?

Я. Достаточно того, что привезли вот несколько сот человек. Узнав, что у меня 8 классов, меня выхватили оттуда и предложили стать комсоргом батальона.

О. Это как-то меняло Ваш статус?

Я. Нет, одно дело рядовой, младший командир, который под пули идет, другое дело офицер, который все-таки защищен в лучшей степени от этого, от гибели, хоть несколько дней, но больше проживет. Там же измерялось время этим – пребыванием. Ведь до сих пор не знают люди, как было на войне по-настоящему. Например, не знают, что человек на фронте в наступлении, я имею в виду, рядовой солдат, живет только 2 дня, статистически среднее, 2 дня, он либо ранен, либо убит. Больше он существовать не может, по статистике. Вот через мои руки прошли документы массы людей, то есть, когда я искал своих однополчан, я смотрел журналы личного состава батальона. Так вот там десятки книг заполненных, они все не имели ни одного живого в результате. Вот перелистываешь: убит такого числа, ранен такого-то, отправлен туда-то, ранен такого-то. То есть, единицы. Если вы разделите число боевых дней на число людей, которые в этом участвовали, в среднем, это не мой вывод, это подсчет военных историков, 2 дня. 2 дня живет. Так что, допустим, если я попадаю просто в стрелковую часть, а я по специальности был командир пулеметного отделения станковых пулеметов, я кончал школу, 6-месячную. Офицеров учили 3 месяца, нас учили 6 месяцев, это была отдельная Сталинская бригада младших командиров под Костромой. Там 8 полков было, которые готовили прорыв линии вот под Белоруссией, перед которой стоял фронт полтора года. Вот для прорыва готовили в этой школе младший командный состав. Вот я попал в эту школу и 6 месяцев учился, получали питание по норме офицерских училищ, учили так, что мы на фронте, как белые вороны были.

О. За что у Вас Медаль «За отвагу»?

Я. Ну, это смешно. Дело в том, что в конце уже самой войны, где-то в апреле я 9-го или 8-го апреля, это у меня есть в воспоминаниях, я восстановил все эти события, меня заставили штурмовать один дом, вернее командовать штурмом, где только что положили роту штрафников, не взяв дом. Уничтожили всю роту. Думали, что рота была 180 человек, там было человек 35. И когда дом был не взят, приказали роте автоматчиков полка, в которую я попал накануне этого дня, и которой приказали перед этим поддержать огнем штрафников, считая, что штрафники возьмут дом, заставили нас штурмовать дом. Но это была безумная затея, потому что нас тоже было человек 35 и до дома было порядка 150 метров, а у них было там 90 немцев, как выяснилось, 5 станковых пулеметов, гранатометы, автоматы и были поддержаны с двух других домов перекрестным огнем пулеметов. То есть,

там насыщенность была такая огня, что когда я раздевался на дне окопа, скидывал шинель, у меня почти отрезало полу очередь. Это только вот снимал шинель, лежа, она чуть приподнялась выше меня, очередь была, это вот такой огонь шел, ну, уцелеть в таком море пуль было невозможно. То есть, пройти можно было ну, метров 5, 6, но не 150. Автоматчиков уничтожили на первых 15 метрах, как они вышли их окопа. Ну, мы выскочили, я свалился в окоп какой-то, пулеметную ячейку, споткнувшись о проволоку, и упал на грузина, фамилию я его помню – Багдасарьян, я его комсомольцев переписывал себе. И когда приподнял голову из окопа, уже ни одного стоящего не было человека, а немцы орали, гоготали, там, рус, хорошо, давай. Уже смеркалось, мы просидели еще там час и выползли, но нас осталось человек 8 от этих 35-ти, то есть, кто выскочил, я и Багдасарьян остались целы, остальные, может быть, даже не выскакивали, я не знаю, я не видел. В общем, вот такая там была петрушка. Но меня-то в травили в это как? Ни одного офицера там не было в этом штурме и сзади, в мегафон зачитывали приказ на штурм, когда скомандовали первый раз, дали ракеты на штурм, никто не поднялся, в том числе, и я, потому что никто не командует. Тогда дали команду, что сейчас дадут еще артподготовку и комсorghу батальона поднять роту автоматчиков в атаку. А это ведь, когда действовал приказ 227, если ты скомандовал, а те не поднялись, тебе расстрел на следующий день. Нехорошая штука была. А я же людей не знаю, я накануне попал туда. Я вижу в окопе, а он такой зигзагообразный, в лучшей случае, 5 человек могу пообщаться, остальных я не знаю, они там в 100 метрах. Ну, я прошу, Ребята, ну, чего делать? Пойдем сейчас. В общем, не расстреляли. Но мы там после того, как неудачно штурмовали и вернулись, мы там сидели еще сутки, боялись контратаки немцев, потому что впереди нас никого не было, а был такой клинообразный выступ, на котором мы были на острие. Он переходил то к немцам, то к нам, там окопы были через каждый 5 метров поперек. И вот уходить было нельзя оттуда без команды.

О. Что – очень необходимо было брать этот дом?

Я. Да какой там необходимо, это все чушь собачья! и вообще все это. Вот наступление тогда было, это – убийство людей. Потому что Кенигсберг у нас был за спиной и считалось, что мы нападём на немцев для того, чтобы показать, что здесь мол вам пройти нельзя будет, если вы пойдёте в наступление. Только для того. Там погубили, вот я говорю, полк на моих глазах, это вот рота автоматчиков погубили на этом доме. Немцы и не думали здесь наступать, просто на них кидали не боеспособные практически войска, как на расстрел. Там сидят с пулеметами, у них пристрелена площадь. Понимаете, что такое пулемет один? 250 пуль в минуту. Один. А если 5 стреляют?! Одновременно. А если еще

стреляют 80 автоматов с такой же скоростью. Ну можно пройти по открытому месту через такое море пуль?! Это же глупость сплошная, это расстрел. Вот. И об этом в документах боевых я не нашел ни одного слова. Написано в журнале боевых действий: Проходили там перегруппировки и бои местного значения. Все! А что приказ зачитывался о том, что Герои Советского Союза, кто возьмет, первый ворвется в траншеи – это там ни слова не было. Что погубили 3 батальона, один за другим, штурмуя этот дом. Это я был свидетелем, все прекрасно я знаю, могу назвать людей, которые еще видели это все.

О. Ну, и кто-нибудь ворвался, что-нибудь получилось?

Я Нет! Ну, никто не дошел и до низа, их всех уничтожил. Я же говорю – погиб полк. Это же было невыносимо.

О. Чего ради?

Я. Доложить, что приказ выполнен, что разведка боем произведена, немцам нанесен ущерб, написали, там: убито 300 немцев, я же читал все эти документы. Число убитых писалось в донесениях так: бралось число убитых у нас, более или менее известных, там, 100 человек, умножалось на 3 и писалось сколько погибло немцев.

О. Так не хватит столько немцев. Сколько немцев и в природе не существует?

Я. Так, считайте, мы же уничтожили, наверное, миллиард немцев в донесениях их. Кто верит этим сообщениям?! Я же читал документы все эти. Я говорю: вывел закономерность – умножается на коэффициент на 3. Ну, а 3.1., 3.2, 2 и 8, может.

О. Ну. хорошо, это Вы сейчас такой продвинутый, образованный, умный.

Я. И таких немного, потому что я работал в архиве несколько месяцев.

О. Понятно. А тогда что Вы думали?

Я. Тогда я был полным патриотических чувств, я считал, что я комсорг батальона. Теперь каково было мое удивление, когда я, разбираясь в документах, я решил найти: был приказ о моем назначении комсоргом батальона? Нет, я нашел в политотделе переписку, что в это время, что на меня даже не посылали из дивизии, из политотдела дивизии на утверждение не посылали мою кандидатуру, потому что она не проходит. Вот где прочитали мою анкету!

О. А как же медаль? «За отвагу»

Я. Нет, Вы послушайте дальше, я про медаль еще не начал. В этом документе написано, кто был назначен вот на те дни, когда я давал команду, как комсорг батальона, поднять роту автоматчиков в атаку, они же прекрасно знали, что я не комсорг батальона. Комсорг батальона какой-то Кактабаев – казах. Я его в глаза не видал никогда. Но если бы был комсорг, то это был бы он. То есть, на меня никто даже не подал, когда они увидели мои

документы, они даже не стали подавать меня на утверждение. Это ж все-таки на присвоение офицерского звания. Понимаете? Это уже новая ступень.

Когда мы выходили вот с этого пятачка, за нами прислали легендарного одного капитана, который из рядового, не кончая никаких курсов, дошел до капитана. Только благодаря одному: он оставался жив чудом. Он был солдатом, потом остался жив, заменял помощника командира взвода, ему присвоили старшину. Потом заменял командира взвода, ему присвоили младшего лейтенанта и так до капитана. У него было 12 орденов к моменту, когда я прибыл в эту часть. Он легенда был просто. И его за нами прислали, снять нас с позиции. Пришел он ночью, ну, кругом ракеты там летают. И как знаток этой местности, повел нас в темноте вывести оттуда, с передовых позиций. Мы шли за ним, нас осталось человек 12, может быть, шло тогда меньше. Может быть. Короче говоря, я шел, разговаривал с двумя, отстал, вдруг, впереди взрыв. Он завел нас на минное поле наше. И первый же подорвался, он первым шел. Вот мы с одним младшим сержантом, у меня фотография его есть, мы его вытаскивали с этого минного поля, он был жив еще, но у него было иссечено все лицо, у него был разорван живот, мы его положили на плащ-палатку. И вот там показывают всяких девушек, которые вытаскивают раненых на своем горбу, мы вчетвером его еле выволокли оттуда. Вчетвером, мужиков.

О. А он не был большим, сильным?

Я. Ну, обычный человек он был. А там была другая страсть: там можно было шевелиться только в момент, когда немцы пускали ракеты, потому что он завел нас на наше минное поле этих самых, лягушек, их ставили зимой, значит, колы в шахматном порядке стоят, колы, на них, похожие на кукурузы вот такие мины стоят. У них внизу взрыватель, от них трехметровые проволоки, в три стороны под 120 градусов. Колы ставятся так, что проволоки пересекаются посередине друг с другом. Такая сетка образуется на поле. Причем от взрыва одной мины остальные не взрываются, только она срывает колы. Так вот, когда раздался взрыв, мы оказались на краю уже, зайдя за эту проволоку, а она уже была сбита, снег уже стаял, они стояли в снегу, чтобы было их в снегу не видно. Снег стаял, они оказались вот на такой высоте. И вот мы оказались кругом наши мины и мы среди скрученной проволоки – дерни за одну и - покойники. Вот мы при этих условиях выползали и его вытаскивали, самое страшное, сами-то мы потихоньку выпутались, а его надо было вытащить. Вот мы вытащили и до штаба полка донесли. За это по статусу полагалось Орден Славы III степени, а он у меня был уже, значит, Орден Славы II степени должны были представить. Но тут произошел комический случай, я чуть не пристрелил заместителя начальника штаба полка. Ну, чистил пистолет и случайно, а он стоял, ну, материли друг

друга, потому что он требовал пистолет мой Вальтер в обмен на парабеллум, а я не давал ему, говорил: Фиг тебе, мне самому нужен. И он начал мне грозить, и я в это время случайно выстрелил и попал ему между ног в землю. На него земля, он побежал докладывать начальнику штаба полка, что я его хотел застрелить. А я в это время имел статус адъютанта начальника штаба, статус. Он был помощником начальника штаба. Он писал наградные репортажи. Ну, конечно, он ничего не написал, и когда война уже практически кончилась, где-то 6-го мая, видно, начальник штаба, узнав, что меня не наградили ничем, он его заставил чего-то написать. И я не поленился, когда работал в архиве, запросил приказы наградные, у меня выписка есть. И там, грубо говоря, написано, что там сержант Яблоков Юрий Евгеньевич проявил чудеса храбрости на высоте, лично убил 6 немцев, остальных обратил в бегство, ну, я могу потом дать почитать, у меня копия есть. На этой высоте я близко не был, я вообще в этом наступлении не участвовал, вообще, в эти дни я там не был близко. Я был, я охранял этого начальника штаба, вот дали мне по этой репортажи вот эту медаль «За отвагу». А почему я это упомянул, я даже не помню. Почему, вообще о чем мы говорили?

Говорит кто-то из домашних – За взятие дома ты должен был быть представлен в награде.

Я. Да, я не взял этот дом.

О. нет. я не помню, почему упомянули, упомянули и хорошо.

Я. Я вынес капитана, заместителя командира батальона какого-то, вот этого. Это был стандартный случай.

О. Нет, за взятие того дома тоже неплохо было.

Я. Нет, мы дом не взяли, там нам могли штрафной батальон еще приплюсовать.

О. За невыполнение приказа? А вот скажите, а вот Вы такую фразу упомянули, не помню, по какому поводу, что в какой-то момент у Вас глаза открылись. Так в какой же момент они у Вас открылись? На войне?

Я. На что?

О. На нашу окружающую действительность. До этого читали «Историю ВКП(б)»

Я. Эта окружающая действительность имеет очень широкий спектр оценки. Когда я был там вот, комсоргом батальона, но я был правомерный советский человек, и как-то одно с другим уживалось вполне. Так сказать, ненависть к арестовавшим отца и любовь ко всему, которое составляет костяк страны. Руководящий. Как это одно с другим. Кроме того, Вы учтите, что мы уже тогда не раскрывали рот, говорить то, что не нужно, потому что в каждом подразделении были свои стукачи, и в каждом полку был отдел СМЕРШ – смерть

шпионам, контрразведка военная, которая выполняла функции НКВД в гражданке. Вы не забудьте, что они. А знаете, сколько их было, нет? Сколько было стукачей? Волею судьбы я узнал. Каким образом? В 1948 году я встретил начальника СМЕРШ запасного полка, в котором я был в 1946 году. Встретил капитана, москвича. Я в это время готовился к поступлению на курсы в Академии в Лиднице, в Польше, я поступал в Иняз, на курсах был подготовки. Моя часть передислоцировалась в Латвию, а я жил на частной квартире в Лиднице, свободный человек, сам себе хозяин. Играл в волейбол целыми днями на площадке перед домом офицеров и встретился вот с этим капитаном. Он меня зазвал к себе, а он какой-то был странный уже, у него дергалось вот так веко непрерывно, и как-то он говорил странно. Выпили водки, а я перед этим был старшиной военно-топографического отряда, где было 500 офицеров, 250 солдат. Я был вторым человеком после командира отряда, вторым, потому что все солдаты были подчинены сержантам и мне, и от меня офицеры зависели, топографы, кого я им дам, с тем они поедут на работу. И мне подчинялся весь автопарк. Все мне было подчинено, все в руках у меня было, старшина был больше чем начальник отряда там. И он мне и говорит: Юр, хочешь узнать, кто у тебя были стукачами? Я говорю: Хочу. Лезет в какие-то свои бумаги и показывает мне список. Так, у меня было 250 солдат и сержантов. Он показал список на 85 человек. Ну, каждый третий. Ну, я бы в жизни не поверил, что вот эти люди, самые близкие знакомые

О. Он прямо по именам ...

Я. Имя, отчество, кличка. Совершенно секретный список. Но он, этот капитан был уже чокнутый. По-моему, уже.

О. Если у человека дергается веко, это не значит, что он чокнутый., у него просто нервный тик...

Я. Нет, по словам он был и потом он уже, по-моему, пил вусмерть.

О. Ну, хорошо, список, который он Вам показал, он же реальный список этот, он же его не в бреду сам сочинил.

Я. Да, да, да. Он не сам сочинил. Он был какой-то старший над этими местными, располагал информацией о всех этих списках в частях.

О. И тем не менее, Юрий Евгеньевич, у Вас так ярко выражен критический склад...

Я. Знаете, кто там был? Все мои помощники, мои друзья – все были стукачи, помощники командиров взводов. Начальник склада, то есть, ну, все, с кем я общался – все были стукачами. Но я-то был цел, значит, они против меня...

О. А Вас никогда не агитировали?

Я. Там? Еще как! Почему он мне показал список? Я сам числился у него в стукачах.

О. Как так? Вот среди этих 85-ти?

Я. Нет, это было в запасном полку, он мне колоссально купил там. Представляете, я попадаю после войны в запасной полк, где доходит до 20 тысяч человек в день, а потом остается один штаб – 100 человек. Я тогда в штаб попал. Ну, я там какое-то время был, месяца два, что ли был.

О. Это на территории Польши?

Я. В Германии. И вот я сталкиваюсь с этим капитаном, не зная, что он СМЕРШевец. Он представляется москвичом, А когда народу в полку нет, мы там пьем по-черному по вечерам, штатный состав хозяева, начальника нету, командир полка только фикция. Мы всем командуем там, сержанты, старшины. И вот этот капитан, подваливается ко мне в друзья, говорит, что он москвич, там, находим что-то общее, предлагает мне сходить в лес на лыжах вместе. Пойдем! Даже такая возможность была. Я ему рассказываю обо всем, и о том, что думаю. И он мне говорит: Знаешь, надо, чтобы ты написал мне о том, что у нас здесь все благополучно, что у нас здесь никаких антисоветских разговоров не ведется среди друзей, причем, я до сих пор не знал, что он СМЕРШевец был. И он так мне объясняет, что ему вот поручено это дело. Ну, о том, что никаких не ведется, давай, я подпишу. Он говорит: Только у нас принято еще, что ты должен подписываться не своей фамилией, а кличкой. Вы понимаете, что мне было тогда, сколько? Это 46-й год, мне было 20 лет, я ничего не видел, с 16-ти лет я был вот в этой армейской среде, в замкнутом пространстве. Я говорю: Ну, вот я Рязанцев пускай я буду, Рязанцев. Он говорит: Ты только подпишись, что ты об этом никому не будешь об этом говорить. Я подписал. Но когда я подписывал, мне в голову не пришло, что я подписываю обычное обязательство стукача, так он это преподнес. Через день он меня встречает: Проспали мы с тобой немецкого шпиона. Вот в бане знал того еврея? Он сбежал сегодня ночью. Он был в немецкой разведке, как мне сообщили. Ну, а мое какое дело! Я-то его не знал никогда. И забыл я об этом напрочь. Забыл. Потому что я через месяц что ли я убыл в другую часть, сменил, еще часть. Потом попал в отряд. И когда он меня встретил, первые слова, знаешь какие были? Ну, и подвел ты меня! Почему я подвел? Так у тебя отец был репрессированный? Я говорю: Ну, и что? Я же тебе об этом говорил. Он говорит: А мне попало за тебя. То есть, он ничего не сообщил, когда он оформлял, как стукача меня где-то, а там сразу же нашли, через несколько месяцев, нашли что-то такое и ему написали, что этот не годится. Это проверка работает, она долго работает. Я ведь с ними столкнулся, еще интереснее. Я был в армейском, охранял армейский СМЕРШ Армии в условиях, что мы были в части воинской, а СМЕРШ это отдельная совершенно организация. Она не входит в воинскую часть, то есть, и командир

полка нашей части был на ножах с начальником армейского СМЕРШа. А мы попали, как между молотом и наковальней.

О. А чего они не могли поделить – власть?

Я. Власть. Я не знаю, что они там изначально не поделили, но они писали друг на друга жалобы, но у командира полка была мощная рука в Политуправлении Армии и, кроме того, он бывший прокурор. То есть, нашла коса на камень. В результате он посадил начальника армейского СМЕРШа в тюрьму, его арестовали, когда я там был. Знаешь за что? Командир полка доказал, что у одного заключенного отобрали золото, а за это тогда в Советском Союзе, не смотрели ни на какие ранги, если вот украд государственное имущество, не посмотрят ни на какие ранги, ничего. Ты можешь пьянствовать, застрелить кого-нибудь, но если ты украд у государства, значит, пощады нет. И он посадил его, доказав, что он украд, причем, я до сих пор не уверен, что он украд, а что он это не инсценировал. Что ему ни подбросили это золото. Наши же охранники.

О. Да, я понимаю. А вот Вы сказали, что Вы принимали участие в охране тех эшелонов, которые вот реквизированные шли из Германии. Это что за охрана?

Я. Е. Нет, я не принимал такого участия.

О. нет, Вы не принимали, но помните, Вы сопровождали.

Я. Я сопровождал в 1945-м году, когда расформировали нашу дивизию, по-моему, 181-ю, там быстро очень расформировывали части, когда выводили, после войны, до японской войны еще. Меня включили в состав команды, якобы, сопровождающей Знамя полка в Москву. На самом деле этот эшелон был с мебелью командиров полка, заместителей, там, начальников политуправлений. По-моему, на нашем попечении 2 или 3 вагона, нас было несколько человек, не помню сейчас, сколько, четверо или шестеро – не помню сейчас. Вот мы ехали в этих теплушках в Москву, якобы, сдавать Знамя, на самом деле мы должны были сдать мебель. Вот это я хорошо помню.

Конец записи стороны А кассеты № 2

Сторона В кассеты № 2

Я этим не интересовался, я знал, что я был в вагоне, где была мебель командира полка. А больше я ничего не помню: кому мы сдавали, я тоже не помню. То есть, там кто-то был из старших офицеров, который ехал где-то отдельно от нас, который вел переговоры по телефону, который командовал, там, подъездом машин, погрузкой. Ну, там привезли,

погрузили эту самую мебель на какие-то машины и свободны. Я поехал в Рязань тогда, помню, у сестры жил в общежитии на Стромынке.

О. А когда Вы поступали в иняз?

Я. В иняз я поступал очень нескоро, в иняз я поступал в 50-м году.

О. То есть, после войны Вы вернулись в Рязань, мама была жива. А дядя Леня?

Я. Нет, тут было не так. 26-й год, в который я попал, служил больше всех. То есть, я был призван в начале ноября 43-го года, то есть, 44-й, 45-й, 46-й, 47-й, 48-й, 49-й и часть почти вся 50-го года.

О. Это Вы столько служили?

Я. Почти 7 лет.

О. Боже мой! И где же?

Я. Вопреки всем законам о воинской повинности, не забудьте добавить, вопреки всем законам. Так вот. Мудрый вождь до конца не оставлял мысли о захвате и всех других западных земель – Франции, Германии, Италии, Испании и держал 26-й год, как последний год, который воевал.

О. Что обученный, обстрелянный.

Я. Обученный, как костяк армии наступления, если такая армия пойдет, как костяк.

О. И где Вы были все эти годы?

Я. Попробуйте прочесть где-нибудь объяснение, почему 26-й служил вопреки всем законам о воинской повинности действующей! Служил 7 лет.

О. А где-нибудь что-нибудь написано?

Я. Нигде не написано! Ни одного слова!

О. И где же вы были все эти годы?

Я. Служил.

О. Где, на какой территории?

Я. Ну, последний год на территории, отошедшей от Германии, которая была в Польше.

О. И там Вы поступали в институт, в иняз?

Я. Ну, там целая история! Меня один полковник протолкнул на курсы поступления в Академию. А история смешная, потому что я когда возвращался в 45-м году из Москвы, мы ехали в теплушках, то есть, эшелонами, которые вывозили конфискованные немецкие заводы. Они были с немецкими бригадами, поезда ходили от Кенигсберга в Германию, от Бреста в Германию таким вот челноками. Потому что колея была разная и они только доезжали, разгружались, перегружали на наши составы, ну, все это оборудование, автомобильные заводы, немецкие заводы все, со всем бараклом. «Победу»-то собирали,

там вывезли все станки и все чертежи, это же «Опель-6» - «Победа». Или «Опель-Олимпия» - «401-й Москвич», только у него была одна дверь, а Сталин приказал сделать две двери. 401-й Москвич, это же все чертежи, все эти вот болванки, на которых крылья штампуются – все вывезено оттуда. И вот эти вертушки шли каждый час, два. Пассажирских поездов не было, мы ехали вот таким образом. Я отстал от поезда, яблоки собирал в каком-то саду польском, отстал, а в это время шла гражданская война в Польше, там погибнуть было – раз плюнуть, потому что поляки переколошматили друг друга больше, чем их погибло за все время войны. Правда, нас они не били так, как своих, то есть, военных. Ну, били НКВДэшников, били СМЕРШевцев, из политорганов могли пристрелить, а простых солдат и офицеров они не трогали. Но ущерб наносили большой. Вот они останавливали каждый второй поезд курьерский Москва – Берлин, каждый второй, забирали у офицеров, если находили, пистолеты, забирали партбилеты у всех. Те возвращались, но капитаны, они мигали солдатам - Ребятки, достаньте пистолет ТТ. Те им приносят к вечеру, а какому-нибудь заместителю полковника, заместителю третьего, там, начальника политуправления кто ему принесет пистолет? Ему негде достать, у нас солдат нет. А ординарцы эти все, они ничего не могут. И потерял партбилет, демобилизация по пункт Г – моральное разложение, потеря партбилета и оружия. Я был старшиной роты офицерского резерва порядка полутора месяцев, старшиной роты офицерского резерва. Через мои руки прошло тысячи полторы офицеров, демобилизованных просто по расформированию частей и по вот пункту Г. Так что, я повидал своими глазами, как они, все старшие офицеры, они все прошли по пункту Г, которые через мои руки прошли, начиная с подполковника, полковники. Потому что обычно из частей они ухитрялись попасть в какую-то другую часть крупную. С понижением, никто не хотел уходить из Армии в таких званиях. Ну, куда? Не имели многие ни высшего образования, куда деваться? Профессии нет, полная грудь орденов и погоны большие, партбилет.. Нет, их, конечно, пристраивали начальниками первых отделом в организациях, Вы знаете. Это военкоматы поставляли на эти должности. Заместителями по хозяйственной части на заводы, вот, их направляли. Это мне все известно было, видел, как это делается.

О. А Вы в партию все-таки не вступали?

Я. Нет, никогда.

О. А звали?

Я. Заставляли.

О. А как же Вы отбрыкивались?

Я. «Не созрел».

О. А Вы это сознательно делали?

Я. Абсолютно.

О. Но Вы понимали, что Вы таким образом мешаете собственной карьере?

Я. Знал. Ну, меня карьера не прельщала. Дело в том, что ко мне было особое давление, я работал в Управлении Гидрометслужбы Центральных областей. Расположено оно в Москве. А это была кузница кадров Главного Управления Гидрометслужбы при Совете Министров СССР. И все мои предшественники уходили на должности туда. Ведь были осложнения тогда с пропиской, понимаете. Не так просто из Казахстана взять человека и прописать, даже на таком уровне, на уровне Главного управления при Совете Министров СССР. Гораздо дешевле было взять из Московской организации, уже с московской пропиской. Почему на меня глаз положили на очередную ротацию. На должность начальника отдела гидрологии Главка. И тут на меня пошло давление, но эти-то, там, в моей организации все приятели уже на этом уровне, то есть, секретари парторганизаций, они же не освобожденные, они же специалисты. Понимаете? С которыми я вась-вась. Они мне прямо говорят: Мы получили указание, чтобы ты вступил в партию. Я говорю: Как это? Вот у меня отец арестован, куда там, вы смеетесь что ли?! Ну, говорят, не имеет значения сейчас. Сейчас скажу, какие это годы были, это был, когда был Египетский конфликт?

О. А! 67-й.

Я 67-й, вот это было в этот период. Вот я говорю: Как же так. Вы скажите, что. Ты понимаешь, - говорит, - что я давлению повергаюсь, там начальник связи был у нас. Я говорю: Это твои проблемы, я не созрел еще и вообще еще так сказать. Я говорю: А зачем мне это дело надо? Я специалист, уволить меня не уволят – заменить некем. Уволят – найду работу тут же. Зачем мне еще. Что тебе дает мое членство в партии, что на тебя еще давят? А даже ему не мог сказать.... Иринка, вот за ней ухаживал...

О. Это Ваша сестра?

Я. Да, за моей сестрой ухаживал в 50-м году некто Лобанов, преподаватель какого-то военного института. И Иринка мне тогда рассказала, что он не член партии, подвергается тоже поэтому некоторой дискриминации, и она у него спросила тогда: Почему ты не хочешь вступать в партию? И он ответил: Не хочу быть ответственным за то, что сделала и делает партия. Эта фраза мне страшно понравилось, я ее взял в 50-м году, мне было 24 года, на вооружение по этому вопросу. Раз и навсегда! Потому что то, что она сделала, я уже знал. С отцом моим и с родными, я уже знал. Я взял на вооружение, но оно было прикрыто фразами о том, что я несознательный, я не созрел и что у меня отец арестован

был, и я не пошел. Это мне только что, а я не рвался в Главк, потому что мне это, в общем-то, ничего не давало кроме престижа. Понимаете?

О. ну, хорошо, а когда Вы вздумали поступить все-таки в университет на геофак? Вы шли, как участник войны, да?

Я. там было все не так. Значит, когда я ехал, я отстал от эшелона, а там осталась моя гимнастерка (Я в нательной рубашке отстал) с орденом Славы, с орденом этим, там, 5 медалей каких-то, в общем, кресты все эти. И документы.

О. А чего отстали-то, на девушек засмотрелись?

Я Яблоки рвал в саду.

О. Ах! Яблоки! Яблоков рвет яблоки.

Я. Ну, мы втроем рвали яблоки, нас четверо было.

О. И отстали все четверо от поезда?

Я. Нет. Я был в самом дальнем...

О. принести Вам водички попить, Вы, по-моему, хотите пить? Ну, давайте сделаем паузу.

Я. Я хочу курить. А Вы не записываете?

О. Записываю. Это очень интересно. Очень интересно, как Вы рвали яблоки.

Я. Когда мы бежали, я был метров, наверное, 50 дальше остальных. Я подбегал к вагонам, я ухватился, когда пытался вспрыгнуть на тормозную площадку, за трос, который свисал вот так вот с этой. А трос был закреплен одним концом. И у меня рука проскользнула, я себе содрал всю кожу с ладони, концами, знаете, троса. Представляете, что сделал, когда еще поезд идет.. Я полетел под вагон так, что надо мной вот эта ступенька пронеслась, я уже лежал так смирененько и тихо. А дальше еще хуже было. Я подхожу к блокпосту, а в это время стрельба в лесу. Я думаю: у кого в руках блокпост сейчас, в этот момент, у Армии Крайовой или у социалистов? . Если Армия Крайова, меня могут расстрелять, у меня документов нет, скажут: спрятал документы НКВДэшника, не будут разбираться долго. И вот я сижу там и думаю: чего же делать – идти или не идти. Потом приводят раненого из леса, вот там стрельба была, в ногу. Все гражданские, понять нельзя, кто есть кто. Идет гражданская война, самая настоящая, как у нас в 17-м до 24-го. В конце концов, я вижу, я кровью истекаю, мне надо хоть перевязать. Поднялся туда, показал им руку, они дали какую-то тряпку, я перевязал. Я же не могу последнюю нательную рубаху снять, у меня голое тело остается. Перевязал, рассказал им, как мог. Они делают вид, что по-русски не понимают, я им рассказать, что я отстал от теплушки и попросил их дать номер теплушки, этой, вертушки. Они хоть бы в ответ, хоть бы что. Но расстреливать не

повели – это уже хорошо. Сел в уголке, сижу, они этого раненого повели перевязывать. Потом через час примерно один выходит, со своим этим, кругом, который они дают, машинисту, знаете, машинист на руку надевает, с путевкой на дальнейший перегон, с этой штукой подходят ко мне с флажком, дают мне в руку какую-то бумажку – пойдём. Выходим, а уже темно, идет вертушка. Он ей дает сигнал фонарем остановиться. Она останавливается, он ей передает жезл, на какую-то тормозную площадку и уехал. Потом я утром цифры рассмотрел, это номер моей вертушки, он написал. Вот я по станциям стал ловить эту вертушку, а их там идут несколько десятков в день. Наконец, я ее нагнал. Нагнал, нашел вагон, в котором я ехал, но у меня была разница с ней несколько часов, она прибыла раньше, чем я туда приехал.

Еще на каком-то пассажирском поезде подъезжал еще на каком-то перегоне, все сложно было, надо было прятаться от комендатуры, чтобы поесть, надо было накопать картошку на чужом огороде где-то, найти консервную банку, сварить. Хоть что-то надо есть, я явится на проп.пункт не могу, у меня ни аттестата нет, ни документов. Меня тут же арестуют за самовольную отлучку, за побег из армии, то есть, одновременно прячешься и от своих, и от поляков.

О. Кинематографическая совершенно история, кино снимать.

Я. И вот я когда зашел в вагон, там было, мы сено натаскали, я перевернул это сено, думаю, может, они закопали мой мешок, там оставили мне, догадаются. Фига! Нашел только треугольник письма. Сунул его в карман, поехал в часть, доехал благополучно, никто меня не поймал, явился к командиру. Мне, значит, там, 10 суток ареста с исполнением обязанностей, начальника караульной службы. Вот. Ну, есть пошел.

О. А документы?

Я. Ничего нет. На треугольнике, на треугольнике адрес полевой части, ну, полевая почта такая-то. Я, значит, к командиру полка: как мне узнать номер части, и где она стоит. Он говорит: Я не знаю. У тебя никого знакомых нет, - говорит, - в штабе Рокоссовского. Я говорю: Был один полковник в политотделе. Ты знаешь, как его зовут? Я говорю: Знаю. Ну, я попробую узнать. Звонит туда, узнает и говорит: Вот его телефон, звони ему. Я ему позвонил. А история с ним смешная. В 45-м году, когда я провожал демобилизованных, когда демобилизованные эшелоны уходили первые в Москву на Белорусский вокзал, я в агитпункте играл с начальником библиотеки, евреем, в шахматы. Зайцев, фамилия его была. Он меня обыгрывал по-страшному, он, по-моему, стал мастером спорта по шахматам. А тут на проводы приезжала из штаба Рокоссовского масса полковников, генералов, ну, эшелоны с помпой, с оркестром провожали оттуда, но и с пулеметами на крыше, потому

что нападали поляки на эшелоны. И как-то я сидел там, читал газету, пришел какой-то подполковник и говорит: Ты в шахматы играешь? Я говорю: Так, двигаю фигуры. И сели играть. И хотя я играл весьма средне, в общем-то, ну, вот Зайцев меня драл меня, как хотел. Смешно было, я сидел с доской в зале, а он сидел без доски у себя в каптерке там, и он меня обыгрывал вслепую. Ну, разные классы. А тут я поднапрягся, и тут я подполковника ободрал, а он, видно, считал себя великим игроком. Я его хотел ему с Зайцевым сыграть, но побоялся, потому что Зайцев имел вид жуткий, у него ремень был где-то чуть ли на яйцах, пилотка вообще, как блин висит, ворот расстегнут. Ну, представляете, не солдат, а черт те что. Бомж.

О. Зато в шариаты играл как бог.

Я. Ну-у-у! И вот интересно было. Он красный стал, подполковник. И чего-то он мне сказал, тебе нужно будет что-нибудь, приходи, найдешь меня. И сказал и имя, фамилию, я забыл напрочь фамилию, имя и отчество запомнил. И когда меня командир полка спросил, кого ты знаешь в политуправлении. Я ему говорю: Вот такого-то. И он по имени меня узнал, кто это. Я ему позвонил, я говорю: Вот такая ситуация, мне нужно узнать по воинской части полевой почты, номер части, где стоит, у меня там награды – все пропало. Он говорит: Ну, хорошо, позвони завтра.

О. А где ж до завтра быть?

Я. Нет, я уже в часть вернулся, получил 10 суток ареста с исполнением обязанностей на месте. Все уже утряслось, это уже месяц прошел, может, меньше, может, недели две. Я звоню ему на следующий день, он мне говорит: Город такой-то, воинская часть такая-то. Я беру командировку у командира полка и еду на полном основании на пассажирских польских поездах. А это на самый север, на берегу моря. Приезжаю, нахожу часть. А часть выехала на полевые работы, картошку копать или что-то в этом роде, полякам. Я сажусь в поезд, еду туда. Нахожу этого лейтенанта, который с нами тогда ехал, его был адрес. И сразу с ходу: Где мои документы? Он говорит: У меня. А там у меня еще был полный рюкзак папирос, который я вез, это была валюта. Папиросы он мне не отдал, а гимнастерку с орденами и документами в кармане, которые лежали прямо там, он мне отдал. Я забрал, вернулся в часть. Вот это вам мое пересечение с этим подполковником. Ну, я заехал к нему, поблагодарил его. И вдруг, он сам мне звонит. Это уже было... А! Я за это время, зря время я не терял, я кончил 9-й класс при Лидинском Доме офицеров у Рокоссовского в штабе, там для детей военнослужащих была школа вечерняя и детская школа. Вот вечерняя школа для офицеров, детская для детей, преподаватели из Москвы. Училось нас человек 10-12 всего. Кроме офицеров нас было трое там, 9-й класс и я 10-й

кончил. А 10-й, приехала комиссия из Москвы из Министерства образования. Она приехала не в нашу школу, она приехала в эту детскую, потому что там дети всех этих генералов учились. И заодно нас пропустили через эту комиссию. Ну, в общем, это отдельный рассказ, цирк был! Короче говоря, он, видимо, следил за мной, этот подполковник, что я кончил один класс, второй класс, потому что он был в курсе всех дел. А тут приказ, передислоцируют наш военно-топографический отряд в Прибалтику. И вдруг он мне звонит и говорит: Ты хочешь поступить в Академию военную? У нас будут курсы 3-месячные. Я говорю: Я хочу единственное, я не хочу в Академию, я хочу единственно отсюда вырваться, потому что 5 лет я в Польше, ни увольнительных, ничего нет, как в концлагере. Ну, я играю в волейбол на первенстве группы войск, там, я езжу по городам. Ну, могу поехать в Германию в любой момент, но это все такое, никакой свободы действий нет. За колючей проволокой, можно сказать. Я в школу ходил, правда, свободно, но это три раза в неделю. Потом риск был большой, идешь ночью обратно один, могут пристрелить, могут удавить в любой момент, каждые вот три дня, понимаете, нагрузка.

О. Как нас поляки любили

Я. Ну, это часть поляков, я не говорю, все поляки, а определенная часть. Они же там между собой дрались, одни были за социализм, другие были Армия, вот этого Миколайчика правительство, которое требовали вернуть Польше до того, как она стала социалистической. Выборы на моих глазах были, это можно рассказывать очень много.

Но самое главное, что он мне сказал: Хочешь, я тебя устрою. А у нас все, кто кончал 10-й класс, ну, кроме рядовых, они все на эти курсы. Поэтому и я пошел тоже, ребята все знакомые, тем более, риска у меня никакого нет, поступать я не хочу, я ничем не рискую. Вот я ходил, играл в волейбол, и вот это время как раз совпало, когда часть уехала, и СМЕРШевец приехал туда. Вот мы с ним случайно встретились у Дома офицеров. И потом я уехал за документами в эту Прибалтику, видел своими глазами, как происходит осовечивание Латвии, как срывают крыши с домов, сгоняя хутора в поселки – видел. Напротив нас стояла войска МВД, напротив нашего отряда, слышал рассказы, как, сам чуть не попал под пули там, и слушал, как они встречаются с повстанцами латышскими. В черных погонах, они не трогали, встречали десятки раз топографов, ни одного не пристрелили, ни одного не ударили. Воевали они только с краснопогонниками, с войсками МВД. При мне захватили там одного какого-то главаря повстанческой Прибалтийской армии, при мне, отвезли в Ригу, его отбили, ночью. Нападение было в Риге, на больницу, отбили его. Но окружили весь город войсками, а он ранен был в ногу при перестрелке, еще

до больницы. Его опять поймали и тут же погрузили в военный самолет и отправили в Москву. Это вот все было при мне во время моей поездки туда.

Ну, ладно. Приехал я в Москву, поступать я не хочу в иняз, на хрен мне офицером быть, я никогда в жизни не мечтал о военной карьере. Там получил просто отвращение.

О. А это не иняз, это военных переводчиков институт?

Я. Военный, да, военный институт иностранных языков. Он был очень престижный.

О. Он был чрезвычайно престижный!

Я. дело в том, что оттуда в это время комплектовались все ООНовские подразделения. У нас ведь оккупационная Армия стояла во всех странах, наши, в Венгрии, в Болгарии, везде нужны были переводчики, которые контактировали напрямую с американцами, с англичанами, с немцами. То есть, когда приезжали агитировать вот на эти курсы из иняза, они нам такие расписывали золотые горы, что сейчас, во-первых, это лучшая подготовка, у нас на каждого слушателя свой магнитофон. Мы тогда магнитофоны в глаза не видали, не видали вообще, что это такое. А у нас на каждого слушателя свой магнитофон. Я потом спрашивал одну переводчицу, кончавшую гражданский, она тоже не знает, что такое магнитофон в тот период, в 50-м году. А тут кабины у них были с магнитофонами на каждого слушателя, это чуть ли не тысяча человек.

О. Подготовка была высочайшая.

Я. Знаете, какой конкурс был? 132 человека на место.

О. А Вас прямо на руках несли?

Я. А меня пригласили на курсы, ну, я и поехал. Прошел я комиссию медицинскую, сдал документы, а там особенности такие были, экзаменов. Там плюют на иностранный язык, что ты можешь ничего не знать, это не играет никакой роли. 4 экзамена: отдельно русский письменно, русский устно, литература устно, литература письменно – вот 4 предмета. Дальше: география, история, иностранный язык, ну, какое-то там обществоведение, я забыл.

О. То есть, общий уровень.

Я. Вот экзамены какие. Теперь ты можешь получить двойку по иностранном языку и пройти. Всем мешает вот эти 4 экзамены: два русских, две литературы. 45 минут на ответ отводится на одного слушателя. То есть, полтора десятка комиссий одновременно спрашивает русский, полтора десятка. Сформированы специально люди. А в письменный входят сочинение и диктант. Я ни на какие консультации не хожу, сижу в библиотеке, читаю Джека Лондона, я прочел 32 тома Джека Лондона там. Там мягкие кресла кожаные, лампы с абажурами и я один, больше никого нет в читальном зале. Все зубрят предметы по

общежитиям, а я читаю Джека Лондона. Вечером еду играть в волейбол в парк культуры, облачившись в гражданское, живу у дяди Вени в Москве, у дядюшки матери. В общем, не жизнь, а малина! И при этом сдаю экзамены. И как? У меня сохранилось, могу показать, это я не вру. 4/5 по русскому и две пятерки по литературе.

О. Вы так грамотно пишете?

Я. Ну, я-то имел фору, я кончил 9-й, 10-й классы только что. А ведь все офицерье у них за спиной 4 года войны. А кто еще кончил раньше, до этого?! Что эти курсы могли дать вот эти, ерунда сплошная! Я-то еще помнил, я все-таки заниматься должен был в школе, там дрючили, будь здоров как. Экстернат был, нужно было заниматься, никто за тебя не будет сдавать экзамены.

Я попадаю в число выбирающих отделение, это элита, ведь все рвутся на английский и французский. Дальше немецкий, а там, чуть ли не 100 языков. То есть, какой-нибудь диалект синди или диалект курдов Западной Ливии. Это отделение, 1 человек, но для шпиона, достаточно один там, больше не готовят. А английский – это синхронный переводчик, это поездки с крупными лицами, с генералами по всему миру. Престижно и денежно. А знаете, какую комиссию медицинскую проходили?! Даешь подписку, что не возражаешь против уничтожения любых отличительных особенностей: родинка, оспинка, пятно, искривление. У моего соседа тут же согласие на выпрямление носа...

О. Пластические операции прямо?

Я. Да. Нам особые приметы не нужны, такова была формула, там в медицинской комиссии. Мы шпионов готовим, ясно нам сказали об этом, сразу.

О. ну, и какой язык Вы выбрали?

Я. Подождите. Скандал. Меня вызывает заместитель начальника училища. Прихожу, сидит генерал, встает при моем появлении, это я - старшина. красный такой и говорит. Вы очень хорошо, вы очень хотите поступить? Я говорю: Нет. Он аж расцвел. А почему? Я говорю, я не хочу быть офицером, - говорю. Да! А куда Вы хотите? Ну, куда-нибудь недалеко от Москвы, потому что я жду демобилизацию, хочу поступить в гражданский вуз. Мы Вам устроим любой. Какой Вы хотите? Посидите здесь, я сейчас выясню. Уходит куда-то. Приходит: Хотите вот Рабочий поселок, представляете, по Белорусской дороге, почти Москва. Там где-то по другую сторону, по Рязанке. Что хотите? Я говорю: Давайте Рабочий поселок. Мне тут же, направление, документы. Я понял сразу, в чем дело, они сейчас только дошли до анкет. Потому что, представляете, если там 500 мест, 132 человека на место. Вы представляете – 50 тысяч человек, разве они могли анкеты прочесть все?

О. А потом зачем надо читать?

Я. Они прочитали только тогда, когда уже на следующий день должна была быть мандатная комиссия, которая уже определяет, что проходит человек и которая определяет отделение. Там свои какие-то функции. Как же он обрадовался, когда узнал, что я не хочу поступать! Но он объяснил почти напрямую, что Вы хорошо сдали, а там так интересно было. Каждое утро построение на плац, а плац огромный там внутри, когда стоит 50 тысяч человек, это было все забито колоннами войск. После каждого экзамена ополовинивалось, ополовинивалось, после русского осталось уже там одна десятая часть какая-то. Причем, исчезла вся Суворовская рота, человек 200 было суворовцев. Все они, в белом были, на левом фланге, ни один человек не прошел из суворовцев. Ни один! Была рота гражданских, там человек 300 было, из них, по-моему, кто-то остался. Но единицы. Дело в том, что там была борьба закулисная, о которой я даже не в курсе дела. Там же были и СМЕРШовцы, наверное, и были такие люди, например, знавшие в совершенстве китайский, и диалекты китайского языка. Я был с одним из них знаком, я с ним пересекался, он из Харбина родом, отец и мать туда, когда с Семеновым уходили еще тогда.

О. КВЖД раньше была, ей сейчас 100 лет было.

Я. Нет, в 18-м году, когда уходил Семенов после разгрома Колчака в Манчжурию, это было в 21-м году или в 20-м. Короче. Я встречался с человеком, который там с золотой медалью закончил какое-то высшее учебное заведение и звание капитана он получил после этого, с Японией была война и его каким-то образом в Армию, причем он переводчиком был, а потом ему каким-то образом присвоили звание наш, и он остался там. Потом его вычистили и назначили командиром взвода охраны. Это капитана, в совершенстве владеющего несколькими наречиями китайского языка! Корейский знал. Я сейчас не помню. Так вот, полиглотного типа человека, который один, может быть, на несколько миллионов! И поступал в этот институт.

О. Шпионом хотел стать.

Я. Да, чего там, там готовят переводчиков, его бы аттестовали через год.

О. Ну, надо же идеологически подковать его.

Я. Я думаю, что его, может быть, и не приняли, может быть. Вот такой эпизод с этим училищем.

О. ну, и куда же Вы в итоге поступили? Живя в Рабочем поселке.

Я. Мне дали на руки справку о том, что я сдал вот такие-то экзамены на такие-то оценки. Я в это время попал в часть, с помощью писаря мы узнали секретный приказ, который предписывал что, начиная, по-моему, с мая 50-го демобилизовывать, имеющих аттестат среднего образования, подписанного маршалом, командующим сухопутными

войсками маршалом Коневым. Верховный командующий тогда. Мы узнали этот приказ и навалились на командира части: Ну, как это?

О. не исполняете приказ.

М. А вы откуда знаете? А это писарь был второй, а он тоже окончил каким-то образом в Москве вечернюю школу. Мы с ним вдвоем навалились на этого командира и заставили его на следующий же день нам оформить документы на демобилизацию. Все, приказа о мобилизации 26-го года нет, но по этому приказу мы оформляемся.

Дальше, в этот же момент, через неделю буквально, приказ о всеобщей демобилизации 26-го года. Разница там была очень маленькая, не помню. Я решил поступать в МГУ. А в МГУ в аспирантуре моя сестра, и в качестве ассистента работает ее муж, на химфаке.

О. Вот этот муж?

Я. Да. А их декан член Приемной комиссии университета.

О. А Вам надо сдавать экзамены или Вы можете по этой справке?

Я. дело в том, что экзамены в университет уже прошли, поезд ушел, мы в июне сдавали, это уже, там с 1 июля были экзамены в МГУ, они там раньше проходят, до сих пор, по-моему. Я пытаюсь подать заявление, мне отлуп. Никаких! Я, значит, пошел в Министерство высшего образования, говорю: Как же так? Нас специально демобилизовали, чтобы мы могли поступить, как написано в приказе, а нас не принимает ни один институт. Я сунулся еще в институт связи, мне тоже сказали, что в этом году ничего не будет, на следующий год приходите. Я тогда написал, по совету Володи, жалобу на имя Конева. Он редактировал, я бы сам не сочинил такую. Володя отпечатал на машинке. Я ее отвез в ящик Кремлевский, на воротах был для приема писем прямо в Кремль. И бросил туда. Вы не поверите! Через 4 дня я получил в почтовом ящике ответ от Конева, что вот Вам письмо, которое разослано в Министерство высшего образования, копия, где написано: Во исполнение приказа Верховного Командующего такого-то, такого-то, такого-то, организовать поступление имеющих среднее образование демобилизованных 26-го года рождения во всех вузах страны, создав для этого специальную экзаменационную комиссию.

А я не рассказал Вам историю. Перед тем, как я написал, я две недели ходил в это Министерство скандалить. Сначала я был один в первый день, причем, как? Нас не пускали никуда, не то, что к Министру, а просто нас не пускали. На шестой что ли день нас было уже 25 человек и мы плечами раздвигали эти двери, секретаршу отстраняли и шли прямо к кабинету. И дошли мы до заместителей Министра, подняли скандал большой. И когда вот это сработало письмо, они поставили прямо столы и давали нам направление в

коридорах этого Министерства образования, в любой институт кроме МГУ. А мне надо в МГУ.

О. А вам надо МГУ. И как же быть?

Я. Попробовали воздействовать через проректора, через Володю. Тоже сорвалось, он говорит: Есть строжайший приказ Сталина: никакого блата в МГУ не должно быть. Никаких отклонений от буквы закона! И говорит: Никому из нас своей головы не хочется терять. Ничего Вы не сделаете нигде. Никто Вам не поможет. И тут я узнаю, что на географический факультет, а я колебался между географическим факультетом и физическим. Я узнал, что мои экзамены совпадают, сданные в иняз, совпадают с приемными экзаменами на геофак.

О. По предметам?

Я. По предметам. И узнаю, что вот эти ограничения по приему не касаются в МГУ вечернего отделения. Я иду с заявлением к проректору, показываю этот экзаменационный листок, а там у меня все-таки, только по иностранному языку тройка, а остальные пятерки, четверки. И он пишет – принять. Ну, и меня оформляют на географический факультет на вечернее отделение. Ну. где-то в ноябре я перевелся, обратившись непосредственно, по моему, к Несмеянову, он тогда был ректором, я непосредственно к Несмеянову обратился, я к нему обратился, ну, Он был ректором, я к нему пошел, я тогда наглый был, как танк. Ну, если бы в 46-м году приехал в Москву, у меня с одной стороны пистолет висит, с другой кинжал, то есть, ни то, ни другое я не имею право носить. В условиях комендатуры.

О. Смерть девушкам. Тамара, я просто влюблена в вашего мужа, Вы за сегодняшний день меня покорили.

Я. То есть, я был дурак и наглый, я ходил, не боясь комендатуры, то есть меня могли бы закатать черте куда за ношение оружия, не имея права. Но меня боялись брать, я встречался с комендатурой. Вот такой наглый был. Поэтому Вы не удивляйтесь, что я нагло себя вел в Министерстве высшего образования, пошел к ректору. А ректор возьми меня и спроси: «А Яблокова Ирина кем Вас приходится?» Я говорю: «Сестра». «Ага». И подписал.

О. А это что значит? Он ее знал с хорошей стороны?

Я. Он знал, что она, он, наверное, подписывал документы, когда ее принимали в аспирантуру.

О. Наверное, это было свежо еще.

Я. ну, в 50-м году, по-моему, ее приняли в аспирантуру. Вот так я попал в университет на учебу.

О. Тогда скажите мне, пожалуйста, я понимаю, что Вы ужасно устали и Вам кошмарно хочется курить, но еще буквально пару вопросов. Скажите, а мама остается в Рязани все это время?

Я. Мама? Да.

О. И она все время одна там живет?

Я. Нет, тут начинается еще с Ириной. В этом же году Ирина выходит замуж за Володю, за Владимира Сергеевича Богоцкого, причем, вся ситуация довольно сложная, за ней ухаживает вот этот военный Сережа Лобанов, но Иринка к нему не очень тяготела. А у Володи жена молодая и только что родился сын. Несмотря на это, они все-таки, мама моя

Конец стороны В кассеты № 2

Кассета № 3 – сторона А

Я. ...состоялся, и вот он существует до сего времени.

О. А Вы знакомы с тем предыдущим ребенком?

Я. Да, знаком.

О. Поддерживали отношения, да?

Я. Ну, поддерживали не очень много.

О. Но тем не менее, какие-то контакты были.

Я. Да, да, да, он геолог, имеет какое-то отношение к образованию еще, какие-то методички создает Российские, чего-то такое он, в общем, подвизается на каких-то новых методах. Он активный, по-моему, член естествоиспытателей природы.

О. Ну, хорошо. Тем не менее, они женятся, несмотря на то, что мама и тетки на дыбы. И что?

Я. Ну, потом, через год рождается сын у нее, который вот на даче сейчас живет, племянник мой.

О. Здесь? В Болшево?

Я. Потом они переезжают сюда, в Москву, потому что Иринка работает, да, потом Володя, как полу еврея, или четверть еврея, что-то, я не знаю. Там он, ну, со стороны матери, один еврей со стороны матери, отец, может быть, есть польская кровь, но мало вероятно. Он из Пскова. Тогда гонения на евреев, 1948-й год, его увольняют из университета. А может быть, позже это было?

О. С 48-го по 52-й.

Я. А! Его позже, его после 50-го увольняют. Увольняют из университета, несмотря на то, что у него мощная рука в лице академика Фрумкина, электрохимик.

О. Фрумкин ведь тоже подозрительная фамилия с этой точки зрения.

Я. Да, но он входит в элиту, которую сохраняли, как лиц, страшно ценных для государства, с которыми охранники ходили во время войны. Это же глава школы электрохимиков Советского Союза, академик. Но надо сказать, трусливый человек. Он Володю не защитил, хотя Володя его правая рука по работе. Он через него выполняет какие-то работы в университете, хотя сам в Академии Наук. Но он же глава комиссии, А, научно-технического Совета, ГКНТ по электрохимии, и поэтому он может распоряжаться многими ведомствами другими. В частности и учебными, и университетом. Так вот Володя его правая рука, который выполняет страшно важную для него работу. И он, тем не менее, его не мог защитить. И тут подбирает Володю, он нигде не может устроиться, везде ему отказывают, не смотря на такого патрона. И тут его подбирает директор института тока Министерства связи Ледоренко. Он подбирает вообще всех уволенных евреев, которые ему годятся, и создает гигантский институт. У него рука где-то в ЦК, что защищает его самого от увольнения при этом нарушении всех, так сказать, законов. И он забирает и Иринку тоже заодно к Володе.

О. А ребенка куда – к маме в Рязань?

Я. Нет, ребенка, сначала там в Рязани, потом она переезжает в Москву и начинается ее жизнь в Москве, мамы.

О. Она живет у Иринки?

Я. Потом она живет в Болшеве здесь вот.

О. А! Таким образом, вот эта ваша рязанская, дом обрывается и связи тоже.

Яблоков Ю.Е. там остаются еще тетки до 80-го, примерно, нет, меньше, в конце 70-х годов они там живут еще.

О. А мамы когда не стало?

Я. В 1984-м году. Она умерла в Болшеве здесь.

О. Скажите, а Вы помните смерть Сталина?

Я. Еще как!

О. И что?

Я. Я учился на геофаке, первые минуты потрясения, потом желание посмотреть, я еле выбрался с угла Тверской на самый Манеж, вот здесь на углу Тверской. Побывал, я, увидев, что там творится, я ушел, хотя была сначала такая мысль по крышам пробраться, но потом я плюнул на это дело и ушел. Потом я не мог доехать до Болшева, потому что поезда шли без остановок, меня увезли в Пушкино, я по шпалам шел от Пушкино до Болшево ночью. За это время я узнал, что вывозят трупы из Москвы, больше двух тысяч задавленных. И тут

меня взяла, я прозрел, меня взяла злость на все это дело, и мне стало стыдно, что я вот так первый раз реагировал, как на потерю какой-то.

О. А что, прямо все рыдали?

Я Ну.....

О. А у Вас дома? У сестры? Мама?

Я. Дома нет, никто, не выражал. Никто из дома даже не вылезал из них никуда. Во-первых, мама была в то время, по-моему, в Рязани. Я мог только, вот Ирина, Володя они никуда не ходили, это я точно знаю. Они все-таки умнее меня были.

О. Они тогда несколько старше были, здесь 2-3 года играет роль.

Я. Нет, они просто умнее были. Ведь только когда, я до первого курса университета защищал социалистическую экономическую систему, считая, что при правильной ее организации за лучшую систему в мире.

О. Что значит – защищал? В спорах?

Я. В спорах, да, в наших спорах.

О. С кем были споры? Дома?

Я. Нет, в университете.

О. И горячие были споры?

Я. Горячие были. Дело доходило чуть не до кулаков.

О. Такие страсти кипели?

Я. Ну, так, ну что значит страсти? несколько раз. Ну, в общем, споры были по много часов. Но надо сказать, что именно в университетские годы стало уже меняться представление мое, мое стало меняться представление. И уже к концу университета я уже считал, что если бы было собрано Учредительное собрание, власть не захватили большевики, то экономически Россия была бы сильнее, потому что я уже кое-что знал о том, что социалистическая система, управление, она имеет заведомые ошибки.

О. Это Вы говорите с экономической точки зрения? А с политической, а с нравственной?

Я. нет, ну, с политической, этот вопрос не обсуждался. Почему? Вы не забудьте, что тогда эта часть преподносилась, как самая передовая в мире, защита трудящихся, как самые лучшие возможности для людей в развитии своих способностей, возможностей. И нам это вдалбливали и доказывали на примерах, достаточно убедительных, и в какой-то степени так и было. Если объективно опять вот рассмотреть статистику, то ведь, если в царское время все-таки происхождение, так сказать, черное, было препятствием к получению... хотя и не окончательным препятствием, можно было пробиться, но все же

затруднено. Я же еще встречал людей своей специальности, которые мне рассказывали о делении в университете на белую и черную кость студентов, которые учились после революции в университете, в моей специальности – метрологии. Уже ставшие известными специалистами, написавшие книги, вот я с ними встречался и они рассказывали о том, какие там жестокие были баталии, как не признавала белая кость, то есть, выходцы из дворян, из интеллигентских известных семей, они не признавали детей рабочих, из крестьянских семей и считали их, третировали их. Так что, эта проблема была. Вот, поступление, может быть, экстраполировать, что им поступить в Императорский университет было весьма и весьма проблематично. Понимаете? дети священников могли поступить, дети статского советника – бесспорно. Но вот могли бы поступить дети служивого при помещике, это еще вопрос. В этом отношении, вот статистика показывает, что поступить в высшее учебное заведение было легче, как раз наоборот. Детям из низов. Ну, я имею в виду, скажем, вот с середины 20-х до начала войны.

О. А Вы мне тогда другое скажите, мы сейчас не будем...

Я. ну, я-то учился, на этом фундаменте.

О. Преподаватели у вас были как раз из этого числа.

Я. Мы свято верили, что здесь в этом отношении никаких нет. Вот экономика, нет, сам строй экономический, он решал все, и надстройка, с нашей точки зрения, какой будет экономический базис, такая будет и надстройка. Конечно, вот это вот цензура, внесудебные расправы, они не обсуждались, они были ясны. Они не приемлемы.

О. А среди вас были люди такой судьбы, как у Вас? Среди Ваших однокурсников?

Я. Среди отцов – не помню, но среди родственников были. Среди дядьев, там.

О. Но эта тема не обсуждалась.

Я. Мой, скажем, сожитель по блоку в университете, у него отец был первым секретарем Одесского обкома – расстрелян.

О. Фамилию помните?

Я. Никифоров.

О. Я думаю, что я найду его отца.

Я. Вот сосед у меня был, вот, пожалуйста, причем, он был расстрелян, конечно, раньше моего отца, когда расправлялись, так сказать, очищали место, это мы сейчас об этом знаем, тогда-то об этом знали очень мало. Когда расстреливали НКВДэшники друг друга, старательно, это мы сейчас.

О. Скажите, а когда Вы женились?

Я. Я в 54-м году, по-моему.

О. После окончания. И у Вас двое детей. Да? А Тамара возникла в Вашей жизни?

Я. А Тамара возникла в 1981-м году.

О. А Ваша первая жена? Жива?

Я. да, да.

О. Ну, слава Богу, что все живы, здоровы. Ладно. Юрий Евгеньевич, я понимаю я Вас измучила, ужасно хотите курить.

Я. Курить, да.

О. Идите, покурите, я Вас отпущу, потому что я вижу, как Вы просто..

пропуск

Я. Да я еще такой, мне говорят, когда вставать, когда идти умываться, когда идти работать, когда обедать, когда лечь спать. И так годы! Что делать? Теперь вдруг говорят: Иди на все четыре стороны. И он в ужасе, он не знает, что делать. Вернуться к своей специальности преподавателя – он отстал, он многое забыл. Жить негде, потому что ему сказали, вот в этих областях, в этих городах, в Рязани, в Москве, в Ленинграде, то есть, везде, где бы он мог жить, где есть родственники, ему жить нельзя.

О. Здесь работа, хотя бы какая. Хотя бы была раньше работа.

Я. Во-первых, что делать, кто его будет кормить. То он кормил семью всю жизнь, а вот теперь вот у него страх, причем я видел этот страх в другой, через поколение, страх офицеров, которых демобилизовывали. Я видел его, я разговаривал с людьми, я видел, как кони боятся возвращения. Я видел, что из них получалось при возвращении. Как спивались Герои Советского Союза, которых я знал лично, вот командир полка, он спился, закончил, по-моему, под судом свою жизнь. Спивались, они не знали, куда себя деть. Но там-то понятно еще, но я когда читал письма, я увидел, что здесь происходит то же самое. Вы понимаете, что человек психологически надломлен, он не знает, как ему жить дальше, он не хочет быть обузой для семьи, для жены. Вот эта тема она вообще очень такая болезненная, но она существует.

Ну, про маму тут говорить нечего, мама его готова принять любым, тут нет темы для беседы. Вот интересно с Алексеем Павловичем Керкинским. Это подполковник медслужбы. Ему папа написал вот ситуацию.

О. Это тот, который в Вологде живет?

Я. Вот у меня есть письменные документы. Папа, не получив ответа, пишет ему письмо, конечно, я понимаю, что ты в таком состоянии, что это невозможно все. А потом я читаю дяди Алешино письмо, которое было написано на первое, где он пишет, что

разговора нет, конечно, приезжай, тебе будет дана комната, у меня двухкомнатная квартира, эта комната будет твоя.

О. Отец не получил просто письма.

Я. Он не получил этого письма. Тогда, когда писал второе. Поэтому для меня дядя Алеша он очень такой человек близкий, вот он меня спас. Собственно. Он спас деда, как врач, еще до революции, когда правильно поставил ему диагноз в Москве. Я думаю, к отцу он тоже относился, как очень хорошо отнесся в этой ситуации, то есть, он, вы знаете, это риск большой.

О. Понятно. Хорошо. Юрий Евгеньевич, все-таки давайте мы до чего-то тоже сегодня.

Конец записи